

Слащов Я. А.
«О Добрармии в действии в 1918 году».
Часть I

Публикация А. С. Пученкова

Публикуемый документ был обнаружен автором этих строк четыре года назад, во время поездки в Ростов-на-Дону, в бывшем местном партархиве, а ныне — Центре документации новейшей истории Ростовской области. Перед нами воспоминания генерала Якова Александровича Слащова-Крымского (1885–1929), легендарного белогвардейского военачальника. Именно Слащову Белое движение обязано тем, что Крым выстоял на рубеже 1919–1920 гг.; Слащов — самый известный реэмигрант, вернувшийся из Константинополя в РСФСР в 1921 г., а затем деятельно сотрудничавший с советской властью как военный ученый и педагог. Наконец, Слащов — настолько яркая и неоднозначная личность, что представляется необходимым хотя бы «пунктирно» обозначить несколько подступов к ее постижению: это позволит понять не только специфику предлагаемых воспоминаний, но и последующую личную трагедию генерала.

Известно, что диапазон оценок Слащова отличался противоположностью — от прямо восторженных до откровенно уничижительных по отношению к генералу; кроме того, Яков Александрович нередко изображался и в нарочито комических тонах. Приведем лишь несколько характеристик Слащова, авторами которых были его, казалось бы, единомышленники — участники Белого движения на Юге России: «всегда полупьяный кретин в костюме под клоуна либо кавказского горца», — в описании обычно сдержанного генерала П. С. Махрова¹; «Он произвел на меня странное впечатление — чего-то не совсем нормального. В черной барашковой шапочке, в бурке — на отлете, в белой с опушкой, но без шнуров венгерке с георгиевским крестом и в длинных черных брюках с золотым лампасом — было что-то театральное, желание выделиться даже по внешности из военной толпы, наполнявшей вокзал.

**Пученков
Александр Сергеевич,**
*доктор исторических
наук, доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)*

Конечно, никакой необходимости в этом маскараде не было — при полной возможности одеться по форме, как и были одеты все офицеры. У него было некрасивое, но с приятной улыбкой лицо. Суетливый, живой, — он не производил впечатления серьезного, вдумчивого человека. Три месяца спустя, возвращаясь из Перекопа, я снова побывал в Джанкое, где мне пришлось провести несколько часов в обществе генерала Слащова в его вагоне и познакомиться с его штабом. Во время доклада ему в салоне царила необыкновенная суэта. Сам Слащов метался из угла в угол, весело рассказывал боевые эпизоды, урывками подписывал бумаги, которые ему подсовывал толстый начальник штаба (не помню его фамилии), то обнимал и целовал входивших без доклада офицеров, то давал некоторым из них пинка, — все это быстро, с веселой шуткой. В промежутках он настойчиво убеждал меня, что он — не кокаинист, и что слухи об этом — наглая клевета на него. Однако все то, что я видел, — убеждало меня в обратном», — писал о Слащове донской атаман генерал А. П. Богаевский². «Как и подобает великому человеку он встретил нас хотя и с объятиями, но в одном белье... хриплый, пьяный смех, торчащие редкие волосы и гнилые зубы — вот что прежде всего бросилось в глаза», — таким запомнился Яков Александрович генералу А. Е. Егорову в апреле 1920 г.³ «Длинная, белая, смертельно-белая маска с ярко-вишневым припухшим ртом, серо-зеленые мутные глаза, зеленовато-черные гнилые зубы. Он был напудрен. Пот стекал по его лбу мутными молочными струйками», — свидетельствовал знаменитый русский артист и певец А. Н. Вертинский⁴.

Быть может, в оценке американского исследователя П. Кенеза, писавшего о том, что Слащов был самой «странной фигурой» из всех «странных фигур», вынесенных на поверхность гражданской войной, есть доля справедливости⁵. Безусловно, Слащов — личность чрезвычайно противоречивая и не сводимая к какому-то единому знаку, положительному или отрицательному. Как следствие, аттестовать Слащова как всего-навсего «авантюриста эпохи гражданской войны» — подход заведомо неверный и крайне поверхностный.

Во многом этот взгляд на личность Слащова сформировался из-за оценок двух не похожих друг на друга мемуаристов — А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, вражда между которыми в период развала белого фронта справедливо была названа Антоном Ивановичем «русским позорищем»⁶. «Вероятно, по натуре своей он был лучше, чем его сделали безвременье, успех и грубая лесть крымских животолюбцев. Это был еще совсем молодой генерал, человек позы, неглубокий, с большим честолюбием и густым налетом авантюризма. Но вместе с тем он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо», — такую оценку Слащова оставил в истории А. И. Деникин⁷. В свою очередь, П. Н. Врангель, явно и открыто недолюбливавший Слащова, писал о том, что в 1920 г. последний «производил впечатление почти потерявшего душевное равновесие человека», признавая, впрочем, что «с горстью людей, среди общего развала, он отстоял Крым»⁸. Ближайший друг и соратник П. Н. Врангеля, начальник его

штаба, генерал П. Н. Шатилов, вспоминая о Слащове как о человеке «неуравновешенном, больном манией величия, наркомане, хотя и доблестно дравшемся», также вынужден был согласиться с тем, что в общие дни катастрофы Белого Юга на рубеже 1919–1920 гг. «только генерал Слащов со своим корпусом, отойдя за Крымский перешеек, успешно отражал попытки красных проникнуть на полуостров»⁹.

Очевидно, что существует явное противоречие между Слащовым — человеком, чрезвычайно эксцентричным, с явной склонностью к эпатажу, и Слащовым — военным профессионалом высочайшего класса; противоречие, еще нуждающееся во вдумчивом анализе. Безусловно, что Слащов был, вспоминая классика, «разный — натруженный и праздный, целе- и нецелесообразный... весь несовместимый, неудобный, застенчивый и наглый, злой и добрый»¹⁰. И все это — один человек, во многом ставший еще при жизни легендой Белого движения.

Была ли закономерность в военных успехах Слащова? Видимо, да. По справедливому замечанию биографа генерала, московского историка А. С. Кручинина, «анализ проведенных им (Я. А. Слащовым. — А. П.) боевых операций (почти всегда — малыми силами против превосходящих сил противника) свидетельствует о его таланте военачальника — тактика и оператора, обладающего не только выдающимися дарованиями и военным чутьем, но и незаурядной волей, проявляющейся при принятии и претворении в жизнь своих решений»¹¹. Неслучайным выглядит и беспримерная эпопея обороны Крыма силами корпуса Слащова в конце 1919 – начале 1920 г. В воспоминаниях таких разных лиц, как рядовых участников Белого движения С. Н. Шидловского, В. Дружинина и адмирала Д. В. Ненюкова, содержатся лестные характеристики Слащова как военачальника. «Энергия и характер» — таким видится Слащов как военный руководитель Шидловскому¹²; Слащов — «герой Крыма. Его все боялись и уважали. Только благодаря его самообладанию Крым был спасен от красных» — оценка В. Дружинина¹³; «Генерал Слащов отступил на Крым... Все вздохнули свободно. Действительно, сразу тыл подтянулся, прекратились грабежи и пьянство, но не надолго», — писал в своих воспоминаниях пожелавший остаться анонимным ротмистр Крымского конного полка¹⁴. «Несомненно, что он имел ту военную жилку, без которой ни один генерал не может сделаться художником своего дела... он был храбр до отчаянности», — таким запомнился Слащов адмиралу Д. В. Ненюкову¹⁵. Уже можно, наверное, не умаляя достижений Слащова, согласиться с осведомленным генералом В. В. Чернавиным, по утверждению которого, в начале 1920 г. «удалось прикрыть, а затем и удержать перешейки лишь благодаря ошибке красного командования. Если бы оно не разделило своих сил, поведя одновременно из района Нижнего Днепра наступление и в Одесском, и в Крымском направлении, а сосредоточило бы все свои усилия на Крыме, оставив временно Одессу в покое, то слабые части Слащова перешейков бы не удержали...»¹⁶ Как бы то ни было, Крым стал последним бастионом Белой России,

а Слащов заслуженно получил почетное право именоваться «Крымским» — последним из военачальников в истории Русской армии¹⁷.

Однако, помимо военной доблести, Слащов 1920 года — это еще и знаменитые «суворовские приказы»¹⁸; это и печальная практика виселиц для устрашения неподвластного населения...

«Слащов... был всецело поглощен одной идеей: Крым нужно, а главное, можно защитить. Этой идее он, со всей своей энергией, решительностью, храбростью, громадным уважением, которым он пользовался в армии, — подчинил все, часто перегибая, тратя больше, чем, по здравому смыслу, следовало бы. Отсюда — этикетка “Слащов-палач”, чуть ли не первый садист в белых войсках. Однако Слащов не был патологически жесток... Репрессии, связанные с его именем, объяснялись именно доминантой: раз они мешают мне делать мое, самое главное, необходимое родине дело — их нужно убрать. Слащов считал, что только он на высоте положения — прочие или бегут или разлагаются в тылу (кстати, в этом была доля истины)», — такой психологически, как нам кажется, достоверный для объяснения мотивации поступков генерала подход предложили в своей монографии крымские историки А. Г. и В. Г. Зарубины¹⁹.

Традиционно принято считать, что Слащов — прототип булгаковского Хлудова. Наверное, можно согласиться с братьями Зарубиными, писавшими о том, что «Булгаковский Хлудов далек от реального исторического лица»²⁰; в свою очередь, биограф Слащова А. С. Кручинин полагает: «внимательное изучение биографии генерала заставляет сделать вывод, что герой Булгакова, безумный, мрачный и окутанный атмосферой бреда и “снов”, не только не тождествен личности Якова Александрова, но и во многом ему противоположен»²¹. Вместе с тем, на наш взгляд, не отождествляя Хлудова и Слащова, в рамках защиты писателя можно прислушаться и к глубокому замечанию В. П. Булдакова: «Своеобразной подсказкой к пониманию психологии людей, не принимающих большевизма, по-прежнему остается “Белая гвардия” М. А. Булгакова»²². От себя добавим: а также «Бег» Михаила Афанасьевича. Как бы то ни было, не абсолютизируя различия между реальной исторической фигурой и булгаковским героем, укажем, что некоторые общие штрихи в мировоззрении Хлудова и Слащова, несомненно, присутствуют. Чудовищная боль, буквально раскалывавшая сознание белогвардейцев, видевших крах не только Белого дела, но и исторической России, передана Булгаковым с неповторимой силой. Именно этим интересен Хлудов, ставший больше чем литературным персонажем — он стал для советского читателя олицетворением *другой*, пускай не официальной, но *правды* о гражданской войне; *правды, показанной глазами врага, заблуждавшегося, но любившего Россию больше, чем саму жизнь*.

Не менее известен Слащов, вернувшийся вместе с группой бывших белогвардейцев в конце 1921 г. в РСФСР, и как автор воспоминаний о гражданской войне²³. «Последовательный белогвардеец», как называли его в одной из советских работ 1920-х гг.²⁴, занялся на

Родине педагогической и литературной работой²⁵, а в январе 1929 г., уже в СССР, был убит на своей квартире неким Л. Л. Коленбергом, объяснившим, что убийство имело единственный мотив — желание отомстить за брата, расстрелянного 10 лет назад в Крыму по приказу Слащова... Возможно, что следствие предложило самую удобную для советской власти в то время версию загадочного преступления. Нелишним будет также вспомнить, что спустя всего год в СССР началась небезызвестная операция «Весна», затронувшая многих кадровых военных, поступивших в свое время на службу в Красную Армию и в массе своей честно служивших новой власти...

Отвечая на вопросы, заданные ему в ВЧК по возвращении в Россию, Слащов подчеркнул, что просит «строевой должности» и дает «слово служить честно»²⁶. Требование Слащова, однако, не было удовлетворено. В «предварительном заключении» по «делу» Слащова и вернувшейся с ним группы офицеров бывшей армии П. Н. Врангеля, составленном Л. Д. Троцким и И. С. Уншлихтом, утверждалось, что предоставление Слащову сотоварищи «военных должностей, преимущественно строевых... сможет произойти только после того, как Красная Армия узнает о самом факте перехода на сторону Советской России названных лиц, поймет мотивы, вообще освоится с этим фактом...» По мнению Л. Д. Троцкого и И. С. Уншлихта, «главная работа группы Слащова должна состоять в писании мемуаров за период борьбы с Советской Россией. Ввиду того, что мемуары эти обещают дать ценный политический, военный и бытовой материал, предоставить в случае надобности в распоряжение группы Слащова надежных стенографов, которые облегчили бы эту работу, и назначить для редактирования и вообще для руководства этой работой определенного товарища литератора». При этом Л. Д. Троцкий и И. С. Уншлихт предписывали «группе Слащова воздержаться от встреч, посещений и пр., дабы внимание не рассеивалось и работы над мемуарами не затягивались. Указать Слащову и другим на большую политическую важность мемуаров...»²⁷

Воспоминания Слащова в советское время выдержали два издания; прижизненное издание, вышедшее в 1924 г., сопровождалось предисловием не нуждающегося в представлении Дмитрия Фурманова: «Слащов — это имя, которое не мог никто из нас проносить без гнева, проклятий, без судорожного возбуждения. Слащов — вешатель, Слащов — палач: этими черными штемпелями припечатала его имя история. В каждой статейке, очерке, рассказе, воспоминаниях о крымской борьбе 1920 года вы встретите имя Слащова только с этими позорными клеймами. Перед подвигами его, видимо, бледнеют зверства Кутепова, Шатилова, да и самого Врангеля — всех сподвижников Слащова по крымской борьбе...»²⁸ Подчеркивая, что «не напрасно на имени Слащова мрачными клеймами впаялись прозвища вешателя и палача», Фурманов пишет о том, что «два года работы у нас, в Красной армии, не прошли для него даром, а работа над уничтожением своего политического невежества только яснее развернула перед ним весь ужас его

мрачной деятельности в борьбе с Советской властью»²⁹. В предисловии Фурманов выражает надежду на то, что «Предлагаемая книжка Слащова, если распространить ее по жалким остаткам врангелевских войск, несомненно, поможет тому, чтобы русская армия была не в Галлиполи или Болгарии, а самотеком перебиралась бы в Советскую Россию»³⁰. «Центр тяжести этой книжки, — отмечает Фурманов, — не столько в описании и анализе военных операций, сколько в описании обстановки и условий, при которых эти военные операции развивались. Автор шаг за шагом, от первого до последнего дня, излагает перипетию борьбы, останавливаясь более или менее подробно на отдельных ее эпизодах. И, конечно, наиболее подробно описаны те именно эпизоды, в которых действующим лицом является сам Слащов. В этом и недостаток книги и ее достоинство. Недостаток — потому, что в хаосе “личного” материала затеривается и тонет материал другого порядка; достоинство — потому, что многое из сообщаемого автором впервые видит свет и ценно своею свежестью и новизной»³¹. Указывая на уже вышедшие к тому моменту работы, посвященные событиям гражданской войны в Крыму, Фурманов справедливо указывает на то, что книга Слащова интересна именно тем, «что и как рассказывает Слащов», именно это «выделяет книжку из ряда других работ и оправдывает ее издание»³². Как отметил Фурманов, сторона дела, касающаяся «главным образом жизни и деятельности соратников Слащова, разработана обстоятельно и со вкусом. Автор не пожалел своих недавних коллег и с документами в руках представил их довольно мрачной группой великодержавных бандитов...»³³ При этом Фурманов высказывает убеждение в том, что «самая книжка Слащова далеко не похожа на исповедь или покаянное завывание с целью подхалимствования и заискивания перед Советской властью. Ничего подобного. Она написана в тонах довольно самостоятельных, все явления называет своими именами, и если в чем-либо убеждает, так именно благодаря откровенности, с которой автор подходит к разъяснению всяких вопросов и фактов. Правда, о своей личной “деятельности” автор старается отговориться лишь общими фразами и избегает упоминания о большинстве фактов своего мрачного прошлого, зато о соратниках своих он не замалчивает. Нет никакого сомнения, что в оценке деятельности Врангеля и описании его личности, автором руководило и чувство глубокого оскорбления, нанесенного ему Врангелем, но все же портрет крымского барона вышел довольно правдоподобно. Врангель не любил Слащова, Слащов платил ему тем же... Мы (без похвалы) представить себе не можем какого-нибудь комбрига (не то что начдива или выше) в Красной армии, не понимающим, за что, во имя чего он борется. Это для нас просто немыслимое дело. А вот “там”, оказывается, самые высокопоставленные руководители были политическими младенцами и работали, как заправские профессионалы, спецы своего дела. И только. И все это в чадку интрижек, замыслов, предательства, всевозможных заговоров... В то же время в области специальной они, разумеется, были большими мастерами. И провели против нас не одну талантливую

операцию. И совершили, по-своему, немало подвигов, выявили немало самого доподлинного личного героизма, отваги и прочего. Красная армия имела перед собою не случайный сброд и не военный кисель, а организованного, стойкого, сильного, часто отважного и решительного, прекрасно обеспеченного врага, имеющего богатейший заморский тыл. Потому она и героическая, Красная армия, что даже такого врага, а *повалила, придушила, сбросила* (выделено нами. — А. П.). Мы не беремся судить о точности описания автором военных эпизодов, а равно и правдивости приводимых им цифр, — это дело специальных исследований. Зато книжка свежа, откровенна и поучительна. В этом и вся ее ценность»³⁴. Несмотря на очевидную партийную специфику высказываний Фурманова, в его словах содержится немало горькой правды при объяснении и того, почему вообще началась гражданская война, а в особенности — того, почему она закончилась поражением белых. Политиками белые вожди так и не стали; к политике, в массе своей, испытывали неизлечимое и врожденное инстинктивное отвращение. Во многом в этом одна из причин краха Белого дела, равно как и — если взять «микро-уровень» — трагедии автора публикуемых воспоминаний, Я. А. Слащова-Крымского.

Можно согласиться с замечаниями А. С. Кручинина, высказанными им по поводу знаменитой книги Слащова «Крым в 1920 году: Отрывки из воспоминаний», впервые опубликованной еще в 1924 г. — действительно, эта работа является «весьма ценным источником по истории Гражданской войны»³⁵. Правда также и то, как справедливо пишет Кручинин, что «условия советской цензуры», в которых создавались его работы о гражданской войне и прежде всего «Крым в 1920 году», ориентированный на «широкого читателя», «не могли не наложить отпечатка на сочинения генерала»³⁶. Отсюда и постоянные «сокрушения» Слащова о своей «тогдашней политической безграмотности» (аналогичный прием генерал использовал и в публикуемых ниже воспоминаниях), выступавшие в роли своеобразной подушки безопасности и защищавшие, по мысли Якова Александровича, его от репрессий счастливых победителей в гражданской войне...

Любопытно, что прижизненное издание «крымских записок» Слащова было озаглавлено четко: «Отрывки из воспоминаний» — само по себе подразумевало, что генералом готовится или уже подготовлен к печати более полный вариант издания своих воспоминаний. Косвенно это подтверждает сам Слащов: в одной из своих работ генерал отсылает читателя «к моей книге “Воспоминания о белом движении на юге России”»³⁷. В свою очередь, издание книги Слащова 1990 г. было, по малопонятным соображениям, изменено на «Белый Крым. 1920 год: Мемуары и документы»; этим самым, вероятно, по задумке редакции и публикаторов, подчеркивалось: труд Слащова имеет законченный характер, что не вполне соответствует действительности. На наш взгляд, Слащовым в первые годы пребывания в советской России была подготовлена рукопись воспоминаний о гражданской войне, включавшая в себя все этапы «белой» борьбы на Юге России; однако эта работа не

была опубликована, а сама рукопись, по-видимому, отправлена автором либо в какое-то издательство, либо в Истпарт на ознакомление. Однако все это относится к области предположений.

Итак, перед читателем рукопись воспоминаний Слащова, посвященных эпизодам, связанным с его личным участием в Белом движении в 1918 г. Эти воспоминания написаны в характерной для генерала манере: максимально подробное и подчас интересное лишь военным профессионалам описание, казалось бы, частных и малозначимых боевых столкновений, зачастую составленное в подчеркнуто литературно безыскусной манере; представляется, что рукопись была написана автором в исключительно сжатые сроки и не вычитана им до конца — что, впрочем, не умаляет ее исторического значения.

Слащов, не сгущая красок, показывает изнанку Красной и белой армий: грабежи, террор, беззаконие, личные отношения высокопоставленных командиров с той и с другой стороны. Слащов и не пытался, в отличие от автора «Очерков русской смуты» А. И. Деникина, дать полномасштабную картину гражданской войны; с самого начала, и это прослеживается во всех мемуарных сочинениях Якова Александровича, автор полагается в первую очередь на свою память, не имея возможности (опять же, в отличие от А. И. Деникина), находясь в России, обратиться за исторической справкой к недавним соратникам, большинство из которых так и остались на чужбине, до конца испив всю горькую чашу Русского Рассеяния... Как следствие, публикуемая рукопись Слащова — чрезвычайно интересный *отбор фактов*, которые объединил мемуарист, пытаясь восстановить в своей памяти и запечатлеть для истории события, активнейшим участником которых был он сам. Перед нами — записки умного, влиятельного и осведомленного мемуариста. В рукописи — весь Слащов: с одной стороны, вдумчивый и высокопрофессиональный генштабист; с другой — знающий себе цену, склонный к сарказму и не признающий «неприкасаемых» авторитетов даже среди «старших богов», иначе говоря, среди высшего командования Добровольческой армии. Публикуемые записки позволят по-новому взглянуть как на самого Слащова, так и на, казалось бы, прекрасно известные хотя бы по художественной литературе (романы А. Веселого и А. Толстого) события гражданской войны на Северном Кавказе. Представляется, что воспоминания Я. А. Слащова смогут найти своего читателя.

Воспоминания Слащова напечатаны на печатной машинке, с отдельными рукописными вставками, самим мемуаристом они датируются 1925 г. Воспоминания написаны автором для краевого Истпарта и по просьбе последнего. Название рукописи — авторское, оно принадлежит самому Якову Александровичу Слащову. Повторим еще раз, что публикуемые воспоминания — возможно, часть рукописи Я. А. Слащова о Белом движении, которая, надеемся, когда-нибудь будет обнаружена исследователями и введена в научный оборот. Воспоминания печатаются без сокращений; публикатор счел возможным исправить лишь очевидные лексические несурзности и расставить знаки препинания.

Слащов Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году»

Юго-Восточному Краевому Комитету. Отдел Истпарт на № 1232.

События на Северном Кавказе в начале 1918 года

В то время как фронт разваливался и заключалось перемирие, группа лиц во главе с Алексеевым и Корниловым обосновалась на Дону и звали солдат и офицеров старой армии собраться там для продолжения борьбы с немецким нашествием³⁸.

Идеология этой группы, как видно, заключалась в борьбе «за отечество», единственно сохранившейся из прежней триединой формулы, под которой военные элементы воспитывались в продолжении двухсот лет.

Но откликнулись ли массы на этот призыв — нет. В Новочеркасске собралось всего-навсего около 2000 человек, почти исключительно офицеров и юнкеров³⁹. Остальное население, почувствовавшее расхождение ее интересов с выставляемым лозунгом, осталось глухо к этому призыву.

Власть советов торжествующе двигалась на Дон.

Само население Дона колебалось, раздираемое противоречивыми интересами. В то время как зажиточное казачество стремилось сохранить свои привилегии, так называемые иногородние⁴⁰, служившие у них батраками или арендовавшие землю, поднимали голову и требовали расширения своих прав. «Вожди народа» из меньшевиков и эсеров всеми силами старались организовать борьбу против Соввласти и звали на сотрудничество с буржуазией. Видя полную невозможность бороться с большевизмом наступлением, правительства Дона и Кавказа, стали организовывать так называемый Юго-Восточный Союз, т. е. попросту отделение Юга от остальной России, в надежде сохранить тут свою «демократическую» власть⁴¹. Но главная масса населения все больше и больше волновалась, требуя передела власти советами и присоединиться к Москве. Все чаще и чаще митинги заканчивались вынесением резолюций «Вся власть Советам».

Казачьи Атаманы пробовали организовать борьбу, опираясь на казачьи части, пополненные старыми категориями казаков, но с прибытием молодых сроков с фронта и эти части стали ненадежны и если не прямо становились на сторону Соввласти, то отказывались от всякой борьбы с нею и объявили «нейтралитет»⁴².

При этих условиях и происходило формирование Добровольческой армии. Верхи казачества всецело ей сочувствовали, но боясь своих низов, не могли открыто признать ее, и принуждены были ограничиться молчаливым сочувствием — не поддерживая официально и в то же время не разгоняя⁴³.

Меньшевистско-эсеровские «вожди народа» заняли первое время по отношению к Добрармии определенно враждебную позицию, боясь, что она явится монархической организацией и еще и потому, что она выдвигала лозунг «единой и неделимой», т. е. не признавала самостоятельных правительств Юго-Восточного Союза⁴⁴.

Как я уже указывал, в Добрармию съехалось около 2200 человек, почти исключительно офицеров и юнкеров. Про идеологию этих людей общего сказать что-нибудь трудно. В основе главная масса ничего не понимала в происходящих событиях, была политически совершенно безграмотна, и большинство кадрового офицерства даже не знало программ различных партий.

Они прибыли продолжать борьбу за «отечество» и инстинктивно группировались по своим имущественным интересам, получилась мешанина из кадетствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов. Можно одно сказать определенно, что все они были против Соввласти⁴⁵.

5-го января 1918 года я прибыл в Новочеркасск и застал описываемую картину. Конечно, в то время я не мог произвести указанную оценку и произвожу ее только теперь по тем воспоминаниям, которые у меня остались.

Запись в Добрармию производилась в лазарете под видом больных, приехавшие регистрировались и помещались в общежитии. Средств у Добрармии не было никаких — единственно, что было — это оружие, которого в то время было так много рассеяно по всей России.

С места мне было приказано ехать в Минераловодский район, где тоже был указан лазарет, и заняться организацией восстаний казаков и горцев Пятигорского и Баталпашинского отделов.

То же настроение, которое я описывал на Дону, я застал и на Северном Кавказе. В Екатеринодаре существовало Кубанское правительство с Радой, а во Владикавказе — Терское, раздираемое теми же раздорами, что и Донское. И Филимонов⁴⁶, и Караулов⁴⁷ пользовались той же проблематичной и эфемерной властью, что и Каледин на Дону. В Пятигорском и Баталпашинском Отделах власть «Правительств» совершенно не чувствовалась, каждый город и станица жили своей жизнью, сами по себе, и даже известия из «центров» приходили урывками и малодостоверные.

Весь Минераловодский район кишмя кишел офицерством всех видов и возрастов, которое ничего не делало и жило либо по многочисленным лазаретам, либо, кто побогаче, в столь же многочисленных гостиницах. Интеллигенция курортов, под влиянием происшедших событий, совершенно растерялась и ни на что не была способна. Она надеялась на то, что кто-то обязательно должен что-то сделать, спасти ее и дать возможность вернуться в Петроград и в Москву. Пока же что просто жила, питаясь самыми невероятными слухами, не замечая того, что сама же их создает. Казаки и горцы держались выжидательно, но совершенно не собирались идти на борьбу с Соввластью, а делили между собой землю. Един-

ственно, что смущало зажиточное казачество — это требование иногородних и беднейших горцев о равноправии, но пока что все оставалось по-старому. Таким образом, мне пришлось и тут убедиться, что идея отечества, с которой я носился и ради которой претерпевал ряд мытарств, не находят никакого отклика в массах.

Такое положение продолжалось до апреля месяца — за это время кругом происходили события, свергнувшие власть казачьих атаманов, и власть перешла к советам. Добрармия принуждена была покинуть Ростов и идти на Кубань. Корнилов решил свое отступление превратить в наступление на Екатеринодар на соединение с Кубанской армией. Последняя принуждена была очистить Екатеринодар и совместно с Кубанской армией и атаманом Филимоновым превратиться в беженцев.

Соединившись с Кубанской армией Покровского⁴⁸ (название «армия» несколько громко, потому, что в ней было не более 2500–3000 казаков), Корнилов решил взять Екатеринодар и в конце марта начал наступление, закончившееся в апреле упорными боями под Екатеринодаром.

Трудящееся население Екатеринодара, как один человек, дало отпор наступлению Корнилова, несмотря на упорство атак Корнилова — добровольцам ворваться в Екатеринодар не удалось — последняя атака закончилась смертью Корнилова, убитого шрапнельным стаканом⁴⁹. Добрармия отхлынула назад, и принявший командование Деникин не мог уже думать о каких бы то ни было завоеваниях, а должен был думать о том, чтобы спасти остатки слившихся армий совместно с Кубанской Радой. Было решено укрыться в Калмыцкие степи. Все это я узнал уже много позже, при моем соединении с армией — тогда же ходили только противоречивые слухи, заглушенные и отодвинутые на второй план известиями о наступлении немцев.

В Минераловодском районе в феврале утвердилась Соввласть

Захват власти произошел совершенно безболезненно, без какого-либо сопротивления со стороны кого бы то ни было. Перед переходом власти к Советам в Минераловодском районе совершенно перестала функционировать милиция и начались страшные грабежи. Охрану городов фактически пришлось нести офицерам из лазаретов, но они несли эти обязанности крайне неохотно и так как не было никакой принудительной силы, то большинство уклонялось. Как я уже указывал, приход большевиков прошел крайне гладко. Появился комendant, организовались советы, было приказано снять погоны и этим ограничилось. По виду даже нельзя было сразу заметить, что совершилась социальная революция. Только уже в марте месяце банки перестали выплачивать деньги осевшей в Кисловодске буржуазии, и она подняла стон и скрежет зубов, что, если не ошибаюсь, вызвало разрешение выплаты

какой-то максимальной суммы в неделю. Базары продолжали функционировать, и общая толща населения была довольна. В марте же на Кисловодскую буржуазию была наложена контрибуция в размере 30-ти миллионов рублей, выплата которой шла с большими трениями и стонами — была ли она наконец получена полностью, я не знаю. Аналогичная картина происходила в Ессентуках и Пятигорске. В станицах Соввласть оказывалась только формально. Юго-Восточнее, в районе Грозного, Баку начались формальные бои с горцами и пожарами нефтяных приисков. Владикавказ был буквально разграблен ингушами, которые вывозили из него почему-то массу мебели в свои аулы.

Уже позже, в первые дни 1919 г., мне пришлось быть в Ингушетии и поражала картина убогих саклей с земляным полом, в которых густо была наставлена дорогая, вычурная, модная мебель. Таким образом, движение горцев по Кавказской железной дороге, по-моему, не носило характера идейной борьбы с большевиками, а базировалось на грабежах, потому, что параллельно убивались комиссары и ограблялись буржуи⁵⁰.

Относительно съездов советов могу сказать очень мало, потому что путанность и недостоверность сообщений, постоянные перерывы в связи с Владикавказом и Екатеринодаром, и моя тогдашняя политическая безграмотность ставит слишком большие затруднения. Думаю, что это будет лучше обрисовано из партийных источников. Кроме того, в то время я не мог вести никаких записок, так как я жил в лазарете в Кисловодске под фамилией Слащова, но большую часть времени бродил в горах и по станицам под фамилией Яшина. Это брожение, как я уже указывал, не давало никаких результатов. Правда, зажиточные казаки и горцы меня не выдавали, но я ждал каждую минуту ареста, так как они совершенно не сообразились «Святой идеей отечества» и не склонялись к моим убеждениям. Поэтому я и не мог делать себе каких бы то ни было пометок.

Образование в городах Минераловодского района вольнонаемной красной гвардии постепенно начало озлоблять население. Дело в том, что в красную гвардию поступило много людей невысокой нравственности, которые занялись вымогательством и грабежами, — дисциплины не было никакой, и сами ее начальники, видимо, с людьми справиться не могли.

Несмотря на учреждение 23-го февраля 1918 года — Красной армии — красная гвардия на Минеральных водах просуществовала до июля месяца.

Насколько нравственность ее была низка, показывает, что во время восстания я первое время покупал у нее пулеметы (Ессентукский район).

И вот к апрелю месяцу в Минераловодский район стали прибывать части старой русской армии с Кавказского фронта. Они двигались отдельными частями, партиями и отдельными людьми. И скоро весь район оказался насыщенным постепенно оседавшими по станицам солдатами. С прибытием их иногородние подняли голову и начали передел земли. Офицерские поместья не попались казакам, а передавались вновь прибывшим. Соввласть закрыла базары, и начался отбор излишков продуктов. Интересы казачества оказались за-

деты, и свершилось «чудо». Идея отечества, столь непонятная казакам в предыдущие месяцы, вдруг воскресла. В горах стали появляться сначала отдельные казаки, потом целые группы из «обиженных», которые настолько поссорились со своими советами в станицах, что их легальное пребывание дома стало уже невозможным⁵¹.

В то же время в Баталпашинский Отдел прибыл из Персии партизанский отряд Шкуры⁵²: он расходился по домам, и из Баталпашинского отдела их оказалось до 50-ти человек, остальные были Лабинского и они пошли дальше. Все это были люди сильно нажившиеся в Персии и гнавшие с собою по несколько лошадей — не считая уже остальное барахло. Конечно, они не желали расстаться со своим добром и первые поссорились со своими советами, тем более что продавать на базарах уже ничего было нельзя, а многое у них просто отнималось для налаживания других хозяйств. Эти люди и послужили первым кадром будущих отрядов. Сам Шкура прибыл в Кисловодск и от своих казаков узнал о полковнике Яшине, который прислан Добрармией для организации восстаний. На этой почве мы и познакомились. Было решено связаться с Лабинцами, и, пользуясь теплой погодой, организовать в горах партизанский отряд. Казачество начало волноваться в окрестностях все больше и больше, требуя скорейшего выступления. Оружие у всех было на руках.

Для Соввласти положение осложнилось еще страшными распрями между советами отдельных городов, местами и станиц. Никто фактически не признавал распоряжений не только центральной, но и областной власти. Если мне грозил арест в Кисловодске, то я мог спокойно жить в Ессентуках или в какой-нибудь станице, зная, что появление людей Кисловодского совета на «чужой территории» вызовет столько препирательств, что даже, в случае согласия местной власти на мой арест, я всегда буду иметь время переехать в третье место. Еще более сложностей было с границей Кубанской и Терской областей. Если партизанским группам становилось туго от преследований в районе Пятигорска, — они перекочевывали в район Баталпашинска, т. е. в Кубанскую область, отлично зная, что потребуются многонедельная переписка для того, чтобы там против них было бы что-нибудь предпринято.

Такова была обстановка в Баталпашинском и Пятигорском Отделах во второй половине апреля 1918 года. Тогда же определенно и достоверно стало известно, что Корнилов убит⁵³, а Добрармия превратилась в банду беженцев, спасается в Калмыцких степях. Но над Кавказом нависала гроза — немцы стояли у его границы, и ожидалась их оккупация.

Одновременно Пятигорский совет сильно повздорил с Кисловодским по поводу налаженных на буржуазию контрибуций. Председателя Кисловодска Тюленев обвинял стоявшего во главе Пятигорского Андржиевского в анархизме и неподчинении областной власти. Дело приняло общеобластной характер и вызвало приезд Терского Совнаркома во главе с председателем его Буачидзе⁵⁴. Андржиевский намеревался с оружием в руках защищать право и самостоятельность Пятигорска. Красной гвардии было мало, и Буачидзе обратился в Екатеринодар.

ПРИЕЗД ГЛАВКОВЕРХА КАВКАЗА АВТОНОМОВА

По этому делу на Минеральные воды приехал, как он именовал себя, Главковерх Кавказа Автономов⁵⁵. Он отличился во время борьбы с Добрармией, сам донской офицер военного времени (сотник).

Он приехал со своим отрядом и бронепоездами. Эссендуки, Минеральные воды и Кисловодск поддержали Буачидзе, и гарнизон Пятигорска капитулировал. Началась чистка советов.

И вот в конце апреля в Кисловодск прибыл Автономов.

В это время я как раз находился в лазарете под своей настоящей фамилией, а не бродил в горах. В лазарет пришло два вооруженных человека и потребовали, чтобы я пошел вместе с ними.

Меня привели на вокзал в поезд Автономова, и там же я застал и Шкуру. Автономов осведомился: действительно ли я комполка старой армии и академик Генштаба⁵⁶. После моего утвердительного ответа, он заявил мне, что немцы стоят у границы Кавказа и что сейчас надо бросить всякие разногласия и защищать родину, с этим же он обратился и к Шкуре. Возражений не могло быть. Автономов подошел ко мне с точки зрения моей идеологии, под которой я был воспитан. Мы выехали в Эссендуки, где я еще застал генерала Радко-Дмитриева⁵⁷. Туда же прибыл Буачидзе и Терский Совнарком. Речь Автономова на митинге сводилась к тому, что он говорил мне — он призывал казачество к борьбе с немцами и буквально заявил: «теперь не может быть ни красной, ни белой армии, а может быть только армия спасения родины». Что это было — умышленное уклонение от большевизма, или он также был нетверд в классовый борьбе — я не знаю — но на лиц, вроде меня, ничего в то время не смысливших в борьбе классов и в глаза не выдавших сочинений Ленина и Маркса — это произвело сильное впечатление. Тем не менее, зажиточное казачество очень резко отвечало Автономову, принося ему ряд жалоб на свои повседневные невзгоды — видимо, классовые интересы проявлялись в них инстинктивно. Мне пришлось выступить и заявить, что все жалобы могут быть разрешены потом, а сейчас каждый русский должен идти в армию и защищать свою Родину.

Из толпы раздались голоса: «Пожалуй, немцы лучше большевиков».

Тогда мне это было непонятно, и сущность всего этого я понял только по приезде в РСФСР из Константинополя в 1921 г., после изучения политграмоты. Радко-Дмитриев отказался, по болезни, участвовать в движении.

По возвращении в вагон Автономов и Буачидзе обратились ко мне с просьбой составить план обороны против немцев. Я же просил Шкуру немедленно отправиться на условные места и приказать повстанцам не делать никаких выступлений и вступить в армию — тем более что Шкуро предназначался в начальники партизан и по сложившемуся у меня плану должен был прикрывать направления на Минеральные Воды и Екатеринодар.

Доложенный Автономову и Буачидзе мой план сводился к тому, чтобы сосредоточить войска к северу от Тихорецкой, в районе Кагальницкая, Кущевская, Уманьская, откинув свой тыл на Царицын и только небольших частей на Ставрополь, откуда железная дорога действовала на Дивное. Направления же Минераловодское и Екатеринодарское прикрывать партизанскими отрядами. Свой проект я мотивировал тем, что базироваться на Екатеринодар, а тем более на Владикавказ нельзя. Море в руках немцев, а Тифлис в руках турок, т. е. тех же немцев, и наша армия задохнется во вражеских тисках; базируясь же на Царицын, мы будем в связи с центром, и получим боеприпасы. Кроме того, немецкие силы ограничены и при угрозе со стороны Царицынской железной дороги и со стороны Ставрополя, при наличии партизанских отрядов, эти, и так малые, силы расплытятся и продвигаться не смогут. Автономов со мной согласился, а Буачидзе напирал на защиту местной власти — его поддерживал Тюленев. Все же обоим пришлось уступить, и Автономов поехал в Екатеринодар, чтобы сговориться с Кубанским Совнаркомом. Буачидзе же и Тюленев должны были ублажить [так в тексте. — А. П.] казаков, я продолжать разработку, а Шкуро готовить партизанские отряды для выполнения моего плана.

Кроме того, Автономов собирался войти в связь с Добрармией, ушедшей в калмыцкие степи, чтобы добиться не только ее нейтралитета, но и ее выступления против немцев в составе армии спасения Родины⁵⁸.

Первое время в Минераловодском районе, на первый взгляд, все успокоилось, но к середине мая стало известно, что немцы дальше не пошли, и что в Екатеринодаре арестован Автономов. Одновременно в Минераловодском районе был арестован Шкура и несколько казаков, вернувшихся из гор к себе в станицы.

Положение создалось крайне тяжелое, напряженное, сторонники Шкуры и противники Соввласти загудели. Мое личное положение стало довольно двусмысленным. Я оказался человеком, убеждавшим не выступать против власти на местах и вернуться из гор, благодаря чему ряд лиц были арестованы, а я же лично арестован не был. Враги Соввласти немедленно повернули дело так, и распространяли это всюду, что предполагавшееся наступление немцев было только провокацией с целью выявить ряд лиц, вернуть их с гор и сорвать восстание, а что большевики продолжают быть ставленниками немцев (версия об этом, как известно, уже давно, еще при Временном правительстве, распространялась буржуазной прессой). Я поднял перед Тюленевым вопрос об освобождении арестованных, но получил категорический отказ — мое указание, что это положение способно вызвать открытое восстание — не помогло, и мне было указано, что при продолжении моей настойчивости в этом смысле я буду арестован сам. Тогда я бежал в горы и стал приводить в порядок отдельные отряды казаков, скрывавшихся в горах. Как я узнал потом из бумаг Кисловодского совета, я скрылся вовремя, потому что приказ о моем аресте был действительно подписан, но чем была вызвана отсрочка, я до сих пор не понимаю, потому что если арестовали Шкуру,

то я был более виновен, а потом за время пребывания Автономова стоял к нему намного ближе Шкуры.

В дело Шкуры вмешался Буачидзе, и приказал отправить его во Владикавказ. По прибытии Шкуры во Владикавказ, он был освобожден Терским Совнаркомом, вернулся в Кисловодск и присоединился ко мне в горах.

Восстание в Пятигорском, Баталпашинском и Лабинском Отделах против Соввласти летом 1918 года

Итак, в ночь с 27 на 28 мая я бежал из Кисловодска. Город был оцеплен сторожевым охранением Кисловодского гарнизона. В горах в районе Кумсколовского аула Бекешевки станицы Боргустанской скрывались небольшие, вызванные Шкурой, отряды казаков. У последней станицы даже произошла небольшая перестрелка 27 мая с красным отрядом, причем обе стороны поспешно отступили — один к Кисловодску, другие в горы. У восставших казаков не было организации еще никакой, но зато был большой подъем, вызванный действиями власти и неисполнением ею своих обещаний.

Со стороны красных, хотя и была известная организация и обеспеченная база, но не было никакой общности действий, и отряд каждого действовал совершенно самостоятельно и вне зависимости друг от друга, а сами советы не желали подчиниться высшей власти.

С большим трудом, двигаясь ночью, мне удалось проскользнуть между красными постами и вместе с подъесаулом Мельниковым добраться до казаков. Впереди предстояла тяжелая работа — связаться со всеми станицами и удержать их от отдельных разрозненных выступлений, и собрать, и организовать отряды. На счастье для казаков красные действовали крайне нерешительно, боялись углубляться в горы, и оставались на ночь в отдаленных станицах и аулах от гарнизонов, поэтому мои гонцы проезжали, куда нужно. Красные действовали настолько плохо, что ко мне удавалось проезжать офицерам со сведениями с Минеральных вод, и даже я сам раз пробрался в Кисловодск и Ессентуки, откуда выслал кадры для отрядов и вернулся в горы уже со Шкурой. Станный это был человек, это было какое-то переплетение хороших, или вернее полезных и вредных качеств. Как военный, он не стоил ломаного гроша, ни знаний, ни умения разобраться в обстановке и местности, и к тому же еще невероятно боялся пуль и снарядов, и в то же время великолепно знал душу рядового казака. Умел с ним говорить и поднять на то дело, которое захочет, и к тому же отличался большим легкомыслием, и пока еще опасности нет, и, так сказать, гром еще не грянул, решится и согласится на самую рискованную авантюру, а потом будет трусить и скулить.

Надо отдать полную справедливость, что в оперативную часть он почти не вмешивался и все возлагал на своего Начштаба, а у самого каждый бой болела голова. В дальнейшем

он оказался еще и грабителем, но великолепным психологом в выборе людей и пропаганде о себе, а выбранный им в 1919 г. Наштакор [начальник штаба корпуса. — А. Л.] Шифнер-Маркевич⁵⁹ (талантливейший офицер Генштаба) создал ему славу отличного конного начальника. Как бы то ни было, Шкура сыграл выдающуюся роль в поднятии казаков на Кубани и Тереке против Соввласти летом 18 года.

Июнь месяц прошел за подготовкой кадров комсостава (в смысле его подбора) в станицах и городах Минераловодского района, за организацией связи со станицами других отделов, за организацией связи с Добрармией и покупки пулеметов, которые удалось приобрести из Эссентукского гарнизона. От Добрармии был прислан и полковник Веденяпин⁶⁰, привезший 4000 рублей, на которые и были куплены пулеметы. Со Шкурой я уговорился, что он как коренной казак, имя которого казакам хорошо известно, принимает на себя командование отрядом, я же вступаю в должность Начштаба. В его функции входили переговоры со станицами, указание на наиболее нужных лиц из казачества, на меня же ложилась организация будущих частей и вся оперативная работа⁶¹.

За июнь месяц отношение зажиточных казаков с иногородними и Соввластью обострились еще больше. Выше я указывал, что мне не удалось организовать раньше ни одного восстания, и кроме нескольких офицеров я ничего собрать не мог. Теперь же происходила совершенно обратная картина — совершенно почти не приходилось агитировать, казаки являлись сами. Приходилось, наоборот, сдерживать отдельные станицы от сепаратных восстаний и приходилось уговаривать их подождать до полной налаженности связи и окончания организации тайных пунктов связи.

Те казаки, которые были со Шкурой и мною в горах, питались из станиц. Шкура и я денег не имели. Связи с Добрармией еще не существовало, но все довольствие и огнеприпасы шло от местного населения. Движение красных отрядов для нашей ликвидации было заранее известно, и мы всегда имели возможность уклониться от боя и напасть на склад огнеприпасов как раз того пункта, из которого ушел отряд для нашей поимки.

Наконец, к концу июня пункты связи были налажены, всюду сидели свои люди, и хотя с Добрармией связи еще не было, но сдерживать казаков уже было нельзя, и мы решили спуститься с гор. Чтобы не подвергать семьи казаков репрессиям, было решено, что мы объявляем мобилизацию и берем продовольствие «насильно», причем поднимаются только те станицы, которые намечены моим планом.

В первую станицу (это в Суворовскую) отряд Шкуры силой около 70 шашек спустился, и к вечеру выступил на станицу Воровсколескую в составе 300 шашек и 100 штыков (пластуны на подводах) и оттуда двинулся назад на станицу Бекешевскую, в которой ночевал на 3 июля уже в составе 800–900 вооруженных людей. В станицах, в которые входил отряд Шкуры, немедленно восстанавливалась власть станичного атамана и его управления. Надо отметить, что в этот период еще не проявлялась та жестокость, которая являлась

характерной для гражданской войны в позднейшее время, и о которой я буду говорить ниже. В данное же время в районе действия отряда Шкуры казачество стремилось только спихнуть власть иногородних и ввести свое управление. На кого они действительно были злы тогда, так это на красную гвардию, но она в станицах не стояла и появлялась только изредка крупными отрядами. Установился даже такой обычай, что при приближении отряда Шкуры совет сдавал власть атаману и тот встречал отряд, при приближении красных совет вступал в управление, а атаман стушевывался. Ввиду неустойчивости общего положения и зажиточные казаки, и беднейшие иногородние в своей станице не принимали друг против друга никаких решительных мер.

Перед рассветом 3 июля было получено донесение из станицы Суворовской, что отряд красной гвардии в составе 2-х рот (одной Кисловодской и одной Ессентукской) всего около 250 штыков при 25 конных с двумя орудиями идет через Суворовскую на Бекешевскую.

Бой под Бекешевской 3 июля 18 года

Сейчас же по получении известия о движении красных из станицы Суворовской на станицу Бекешевскую была поднята тревога и выслана дополнительная разведка на названную станицу. Было еще темно. Все были крайне нервно настроены. Орудий у белых не было. Сказалась характерная особенность вновь формируемых повстанческих отрядов. Когда я стал объезжать выстроенных людей, налицо оказалось около 500 казаков вместо имевшихся 80. Пластуны заняли позицию. Конница около 300 всадников составляла резерв, расположенный за левым флангом. Имелся всего один пулемет (другой был испорчен), и в среднем по 30 патронов на винтовку. Шкура послал офицера в станицу Бургустанскую, объявить мобилизацию, чтобы те немедленно шли на помощь отряду.

Разведка выяснила движение 250 штыков противника при двух орудиях, 10 пулеметах и 20 шашках. Стало светать. Воздух был на редкость чистый. Верстах в 7 от позиции белых появилась цепь красных. С белой стороны раздались ружейные выстрелы, которые удалось унять. Опять характерная особенность плохих войск. Одни рассыпаются на расстоянии вполне безопасном, и, следовательно, начальник зря утомляет людей, другие начинают стрелять на дистанции, на которой пуля уже долететь не может, а не то, чтобы попасть, и это тогда, когда так мало патронов. Наконец, сошлись до 2 верст. Белые стали охватывать красных своей конницей и красные растянулись в ниточку, не оставив никого в резерве. Видно было, что у них не было ни одного соображающего начальника. Белой коннице было приказано атаковать красных во фланг (их правый), но в это время красные орудия стали наконец на позицию и открыли огонь с вполне безопасного дальнего расстояния, не очень опасного для белых, т. е. с 3 верст, что тут произошло — не поддается

описанию. Левый фланг белых в буквальном смысле куда-то исчез, только вдали виднелись улепетывающие конные казаки. Пластуны тоже начали волноваться, но кое-как их успокоили и выдвинули на несчастный левый фланг последние 50 конных, а разбежавшихся послали собрать. Таким образом, на фронте у белых оставалось около 200 человек, и это в 6 часов утра. Подбодренные красные перешли в наступление, но, не имея резервов и полкового управления и видя на своем фланге (правом) 50 конных, — замялись. Видимо, они решили охватить правый фланг белых, потому что начали передвижение, удлиняя свой левый фланг. Бой принимал затяжной характер. Для меня стало ясно, что все зависит от быстроты сбора разбежавшейся конницы или подхода Боргустанцев — иначе красные собьют белых артиллерией, которой казаки очень боялись. Маневра же толкового красные произвести не могли, так как безрассудно и бесцельно вытянулись в нитку. Первый период боя кончился. На стороне красных было преимущество огня — патронов, пулеметов и артиллерии, но зато отсутствие управления и резервов, а у белых как раз наоборот — нужно было выиграть время во чтобы то ни стало и собрать резерв в кратчайший срок. Во имя этого я выгнал все мужское население станицы Бекешевской на высоты уступом за левым флангом белых. Это производило впечатление массивности резерва для атаки и сильно встревожило красных, которые открыли сильный, но не долетавший до цели огонь, стали окапываться и все свое внимание обратили на свой правый фланг. Сам же я, благо Боргустанская станица была близко, поскакал туда, чтобы возможно скорее обрушиться на стоявший тылом к Боргустану левый фланг красных. Шукура оставался в станице Бекешевской. Казаки станицы Боргустанской были сильно напуганы артиллерийской стрельбой, но все же к 9 часам 30 минутам мне удалось вывести 75 шашек и обрушиться с ними на тыл и фланг красных. Местность для конной атаки была малопригодна и потому орудия успели ускакать, но ящики удалось отрезать, попались и патронные двуколки, что было страшно важно. Пехота красных, видя бегство своей артиллерии, захват обоза и появление небольшой группы конных у себя в тылу, начала постепенный отход к станице Суворовской по открытой местности. Сейчас же пластуны двинулись вперед. Со всех сторон появились [люди]: белый конный отряд как-то сразу возрос до первоначальных размеров и люди прибывали и прибывали, но управлять ими было нельзя. Управление отрядом буквально вырвалось из рук и пришлось удовольствоваться тем, что собрать около сотни конницы для противодействия всяким случайностям, а все остальное мчалось за бегущими красными, которые в полной панике рассыпались по полю. Из красных спаслось только несколько конных. Потери белых: около 10 человек убитых и раненых (раненых спрятали по станицам). Только в темноте удалось собрать отряд и привести его в порядок. Бой этот дал 8 исправных и 3 испорченных пулеметов, много снарядов, патронов и более 200 винтовок, и сильно поднялся дух казаков, но убедил меня в срочной необходимости ввести строгую дисциплину (чему сильно противился Шукура, любивший подделываться к казакам

и нянчиться с ними), и что таким отрядом управлять почти невозможно, что грозит катастрофой каждую минуту.

Поражение и почти полное уничтожение карательного отряда под станицей Бекешевской вызвало большое волнение в управлении красных.

Немедленно была объявлена мобилизация, которая удачнее всего происходила в Кубанской области в станице Баталпашинской. На Тереке в Пятигорской она проходила слабее. Во всяком случае в Пятигорске сосредоточились красные войска. Ясно было, что нужно использовать благоприятное положение отряда на границе Кубанской и Терской областей (Терские советы действовали самостоятельно от Кубанских) и обрушиться на Баталпашинск, где мобилизованные части еще не могли устроиться, а регулярных войск мало. В случае успеха в руки белых попадали все склады и запасы, и открывалась дорога на железнодорожный мост у Невиномысской. Но Шкура обязательно хотел идти на Кисловодск, — с точки зрения стратегической — это было решение совсем дикое — во-первых, белые удалялись от Добрармии, во-вторых, давалась возможность организовать в тылу белых Балахонову⁶² с Баталпашинскими частями красных и, в-третьих, белые напали не на главную базу красных на Тереке, а на тупик Кисловодска, и в лучшем случае могли захватить его на только на время, складов там не было, а для обороны местного предмета белый партизанский отряд, состоявший в большинстве из конницы, не годился. Но Шкура в этом отношении подерживался кисловодским казачеством — думаю, что здесь сильно играли роль и меркантильные соображения. Тогда было решено, что нападением на Кисловодск будет руководить Шкура — я же займусь организацией разведки Баталпашинска. К этому же времени пришло донесение, что в Лабинском отделе ряд станиц поднялись и формируются отряды.

В продолжении будут доложены бои под Кисловодском — бои в Баталпашинском отделе, отход отряда Шкуры на Ставрополь — взятие этого города белыми. Оборона Ставрополя. Движение Таманской армии и падение Ставрополя — вторичное взятие Ставрополя белыми — операция на Минеральные воды и на Владикавказ.

25. 2. 1925. Славцев

Продолжение (на № 1232 Истпарта СККК)

Бой под Кисловодском 5-го июля 1918 года

В ночь на 5 июля отряд выступил из станицы Бекешевской через Боргустанскую на Кисловодск, которого достиг на рассвете. Конница охватила город с флангов, а частью вошла в сочувствующую белым станицу Кисловодскую. Пластуны же были направлены прямо в город. Гарнизон состоял всего из роты численностью в 100 штыков при 8 пулеметах. На-

строение красных, конечно, было неважное после Бекешевского разгрома, и, кроме того, люди, в большинстве, были вновь набранные или только что присланные взамен погибших. Охранение, стоявшее на окраине города, было сбито еще в предрассветных сумерках, и пластуны ворвались в город со стороны базара. Но на этом успех белых и кончился. К уличному бою партизанский вновь набранный отряд был малопригоден, и к 12 часам достигли всего нарзанной галереи. Правда, было захвачено здание Совдепа с почти всеми депутатами города. Дальнейшее продвижение белых было окончательно задержано, а со стороны Эссентуков подходили красные, и подъехал самодельный бронепоезд с одним орудием, открывшим огонь по станице. Начался пожар. Управление вышло из рук Шкуры, и он сам совершенно растерялся — настолько, что меня вызвали срочно и оторвали от организации разведки Баталпашинска. Пришлось собирать отряд за Базарной площадью (за городом), что довольно быстро удалось. Люди были деморализованы. Было взято 6 бомбометов со снарядами, 3 пулемета, и около 10 цинков с патронами, и вышло из города около 10 присоединившихся офицеров, а из станицы около 100 казаков, которые были настолько скомпрометированы, что оставаться не могли. К 3 часам (15 часам) дня Кисловодск был белыми очищен и отряд двинулся к устью Ишкукена и Бочаровским хуторам — Кисловодский Совдеп был выпущен под слово охранять семьи и воздержаться от репрессий над казаками станицы Кисловодской. Свое обязательство Совдеп выполнил не полностью. Итак, белые приобрели 6 бомбометов, 3 пулемета, около сотни кисловодских казаков и 10 офицеров. Потери же были около 30 человек, патронов истратили больше, чем приобрели. Около 80 хат в станице Кисловодской сгорели и начались страшные репрессии против казаков и жителей. Население станицы явно настроилось против белых. Дух людей отряда сильно понизился. Отряд отошел от Кисловодска к реке Ишукен и заночевал в хуторах. Наутро кисловодские казаки настаивали на вторичной атаке Кисловодска для выручки своих, так как прибыли старики и рассказывали о репрессиях красных в станице и городе. Кроме многих казаков, были зарублены генералы Радко-Дмитриев и Рузский⁶³, не принимавшие никакого участия. Шкура с этим согласился, но я против этого восстал окончательно. Действительно, какую цель мог преследовать второй бой за Кисловодск, ведь удержать его белые все равно не могли, а после второго ухода репрессии красных будут еще больше. Вывод один: не надо было атаковать и первый раз, а теперь надо продолжать принятую на себя задачу, и я напомнил Шкуре наше с ним условие. Шкура принужден был уступить, и отряд двинулся на деревню Михайловку в сторону Кумсколовского аула — Баталпашинск. Около 50 человек кисловодских казаков от белых отстали, желая помочь своей станице. Вообще численность отряда за Кисловодский бой уменьшилась человек на 100, ушедших после неудачного боя — это явление постоянное в Гражданской войне при боях в районе населенных пунктов, из которых взяты повстанцы. Придя в Михайловку, населенную «врагами», т. е. иногородними, отряд разоружил ее и добыл до 400 заручных винтовок и патроны, так что образовалось

до 100 патронов на винтовку. Ведать патронами и сбором оружия был назначен полковник Сейтлер — мой штаб образовался из сотников Бутлерова и Фроста. Характерным явлением было, что белых встретили с хлебом-солью председатель сельсовета деревни, одевший для этого случая жандармскую фуражку. То, что в деревне никого не тронули, видимо, всех удивило. Казаки, особенно кисловодцы, были крайне этим недовольны, но Шкура твердо стоял на своем, и сам следил за этим. Из Михайловки отряд в составе около 700 казаков при 11 пулеметах двинулся на аул Кумсколовский.

Второй бой под Бекешевской 7-го июля 1918 года

Войдя в Кумсколовский аул, отряд расположился на отдых и выслал разведку на Баталпашинск, и приступил к мобилизации. Часов около 12-ти было получено известие от войскового старшины Русанова, оставшегося с полусотней конных и полусотней пластунов в станице Бекешевской для охраны ее и [приема] прибывающих от населения комплектований, что противник силами до 3000 человек (мобилизованные) при одной орудии двигается от Баталпашинска на Бекешевскую. Донесение белой разведки от Баталпашинска подтвердило то же самое, и что кроме того в самой Баталпашинской замечено крупное скопление пехоты, подошедшей из Невиномысской. Вокруг станицы было выставлено красное охранение и вырыты окопы. Таким образом, обстановка требовала спешной выручки станицы Бекешевской с отрядом Русанова, разросшегося комплектованиями до 2-х конных сотен и 2-х пластуных. В то же время немедленное движение на Баталпашинск для занятия ее в тылу выступившего на Бекешевку Балахонова, не сулило успеха ввиду гарнизона и укреплений — свободной базы Балахонова на Курсавку (железной дороги) и возможности Балахонову прижать белых к Кубани около Баталпашинска.

Поэтому три сотни под командой полковника Удовенко были посланы горной тропой во фланг движения Балахонова по хуторам между Баталпашинской и Бекешевской, а первая сотня (конная) и обе сотни пластунов — прямо от Кумсколовского аула на Бекешевскую. Пластуны были посажены на подводы. Не доходя до Бекешевской, было получено донесение Русанова, что красные теснят его, и он принужден был очистить гору Бекет, командующую над станицей — последняя уже обстреливалась оружейным огнем. Частое бухание орудий подтверждали это донесение, а ружейная перестрелка, удалявшаяся в сторону Бекешевской, указывала на интенсивное продвижение красных. Меня охватила тревога за участь станицы и ее запасов, и за то, что отряд потерпит страшный моральный урон, и урон от разбежавшихся. Поэтому я приказал продолжать движение на рысях, и всеми зайти во фланг красным. Но вот и гора Бекет. Белые под орудийным огнем. Всадники — в лаву, пластуны — с подвод. Красным пришлось бросить энергичный нажим на Русанова и перенести огонь на подходивший отряд,

а пехота их залегла. На счастье белых, несмотря на численное превосходство красных в три раза, они оказались слабее в управлении и с места перешли к обороне, потому что у их начальников не было никакого представления о силах подходившего отряда. Вся пехота была растянута в цепь без всякого резерва, и часто стояли даже против не занятых белыми мест. Орудие было водружено на высокую и крутую гору Бекет и могло стрелять в белых, только пока они были на расстоянии 4–5 верст, а когда подошли ближе, то очутились в мертвом пространстве. День склонялся к вечеру. Конница белых вышла на фланг и тыл красных. Когда отряд был еще в трех верстах, орудие снялось и ускало — пехота начала быстрый отход. Заходящее солнце застало полное бегство красных частью на Баталпашинск, но там уже появилась конница Удовенко и все хлынуло на Курсавку, бросая винтовки, обоз и патроны. Трофеи белых — 4 пулемета, много винтовок, и что главное — патронные двуколки с патронами — возможность вести следующий бой была обеспечена. Отряд с комплектованием достиг цифры около 1500 человек, и был разбит на 8 конных сотен и 4 пластунские, кроме того, была образована пулеметная команда из десяти пулеметов, остальные пулеметы при сотнях.

Командиром пластунов был назначен полковник Ваген, его помощником — полковник Яхнов. Как видно, комплектование, формирование и разворачивание отряда производилось в бою. Сколоченности не было никакой еще, и поражение грозило потерями, главным образом от разбежавшихся — победа же давала приток все новых и новых людей и сильно увеличивала численность отряда. Патроны доставались главным образом от противника, до снятия патронов с убитых красных, что безусловно было очень вредно для дела, так как наталкивало [так к тексту. — А. П.] и развивало мародерство. Потери белых составляли 5 человек убитых и раненых. Красные бросили около 100 трупов — главным образом от рубки конницы. И так, красные опять проиграли бой, исключительно благодаря отсутствию управления, отсутствию конницы и страшной боязни ее. Действительно, белая конница, имея возможность быстро появляться на флангах недисциплинированной, необученной, неуправляемой и не имеющей резервов красной пехоты, производила потрясающее впечатление, если к этому добавить боязнь пехотинца жестокости, с которой начала сопрягаться гражданская война (пока только еще убийство и ограбление загнанного противника) и сознание невозможности убежать от конного — станут ясными причины бегства красных с большой дистанции. Отряд заночевал в станице Бекешевской и хуторах между этой станицей и Баталпашинской. На утро я назначил наступление на последнюю.

Баталпашинская операция 8-10 июля 1918 г.

Отдав распоряжение о движении на Баталпашинск, я отнюдь не обольщался надеждой его занять и удерживать. Красных было слишком много — подкрепление могло подойти

как со стороны Невиномысской, так и со стороны Курсавки. Сама станица Баталпашинская лежала внизу, в долине Кубани, упираясь своим широким западным фасом в реку Кубань — кругом была местность очень пересеченная — валами и постройками лагеря — и для действия конницы почти непригодна. Но налет на станицу мог быть удачен благодаря деморализации красных после поражения накануне, а потому давал возможность белым начать переправу сил на западный берег Кубани в район Джагонаса с целью проникнуть в Лабинский отдел и Н. Осетинскую станицу — этот район бурлил, но белые потеряли с ним связь. Оставаться же в районе станицы Бекешевской дальше было тяжело, так как отряд этот район уже обошел и использовал людской материал, да и слишком близко было к Пятигорскому отделу, откуда могли быть брошены против белых свежие красные войска. Через Кубань же терские советы своих войск не пошлют, им достаточно дела в районе Нальчика и Терека. На основании всех этих данных и возможности захватить в Баталпашинской необходимые белым патроны, и было принято решение — произвести налет на Баталпашинск и подготовить переправу у Джаговаса. Войска, нападавшие на Баталпашинск при возможности его захватить должны были выделить заслон против него и идти на Джагонскую переправу. Ночью было получено донесение, что отступавшие от станицы Бекешевской красные, не доходя Курсавки, свернули на Баталпашинск, а станица Ворсколеская — занята отрядом человек в 500 при 2-х орудиях, высаженном со станции Курсавка. В самом Баталпашинске сосредоточилось около 4000 пехоты при 5 орудиях — командовал этими силами Балахонов. Но боевая сила этих частей, точно так же, как и численность, была величиной переменной, так как главный состав был из мобилизованных иногородних, способных к учету и собраться в зависимости от хода дела. Кроме того, донесения того времени всегда грешили преувеличением. Получение сведений о сосредоточении таких крупных сил, заставил только утвердить решение, произвести налет для сковывания этих сил, и самим перебраться на Западный берег Кубани. Решение это на рассвете пришлось изменить ввиду донесения, полученного от войскового старшины Солоцкого о том, что он с отрядом лабинских казаков численностью в 1800 вооруженных людей и более 1000 беженцев (семействами), принужден пробиваться из Лабинского отдела и на рассвете начать переправу через Кубань, южнее Джагонаса. Он ставил себя в подчинение Шкуры и просит прикрыть его отряд со стороны Баталпашинска, и вообще, становясь под нашу команду, просил помощи. Картина менялась. Вопрос о нашей переправе отпал, а выдвинулся вопрос о прикрытии переправы Солоцкого⁶⁴, о соединении с ним и совместных действиях. Шкура стоял за то, что после соединения уйти в горы к Нальчику — я за то, чтобы прорваться в Ставропольскую губернию на соединение с Добровольческой армией. Спорить не стали, потому что на непосредственном решении сошлись — атаковать Баталпашинск с целью прикрыть переправу Солоцкого и соединиться с ним. В 12 часов отряд выступил, но принужден был остановиться в районе хуторов, и простоять там сут-

ки. Причиной этого был митинг казаков, не желавших удаляться от своих станиц, которые могли подвергнуться нападению красных. Каждый хотел воевать за свою станицу, а об общем деле забывал — и с такой армией извольте воевать и выкидывать «святые лозунги» устройства государства и народного благосостояния. На меня этот случай произвел удручающее впечатление. Шкура со своими качествами митингового оратора, знавшего казацкую психологию, сумел ликвидировать инцидент и ночью (потеряв целый день), отряд двинулся на Баталпашинск. На счастье, и Солоцкий опоздал, и начал переправу тоже на сутки позже, а за 8 июля устроил только маленький те де пон⁶⁵ южнее Джагонаса. Но и красные за это время привели себя в порядок и т. Балахонов мог организовать не только оборону Баталпашинска, но и подтягивание подкреплений для уничтожения белых, тем более что те уже должны были бежать из Лабинского отдела. На рассвете отряд подошел к Баталпашинску. Конница Удовенко (4 сотни) была направлена к северной части Баталпашинска. Пластуны Вагина — на центр Баталпашинска и северную охрану лагерей (что южнее станицы), а на самые лагеря — одна разведывательная сотня и 3 сотни в резерве. Белым удалось снять сторожевое охранение красных, захватив его двуколки с патронами и санитарным имуществом. Но на этом же успех и закончился. Да, действительно, где же было взять станицу, не имея орудий, а главным образом конницу. Я собрал всю конницу южнее Баталпашинска и оставил только разезды и пехоту на высотах под станицей. Эти ничтожные силы привели красных к пассивности. К Солоцкому были посланы разезды, а в сторону Курсавки — разведка, вскоре столкнувшаяся с красными, шедшими на помощь Балахонову. Белый отряд, не принимая боя, начал медленно стягиваться к Джагонасу, и далее — к Белому ключу, где уже стоял отряд Солоцкого. Красные не преследовали и за весь день даже не вышли из станицы. Цель белых была достигнута, соединение отрядов произошло, потерь с той и с другой стороны почти не было, точно так же было мало истрачено патронов и захвачено не более 10 цинков.

Стоянка под Белым Ключом

Итак, белые отошли от Баталпашинска к Белому ключу, где уже стоял переправившийся Солоцкий. Белый ключ — это родник в 20 верстах юго-восточнее Джагонаса среди малопроезжих, без дорог, гор и лесов. Погода стояла дивная, летняя, и можно было великолепно расположиться в безопасном месте, куда невозможно было проникнуть неожиданно крупным силам. Органы охранения можно было сократить до минимума. Мне как офицеру генштаба, прибыв на место расположения Солоцкого, оставалось только выразить ему восхищение по поводу выбранного им места. Знакомясь с положением отряда и его комсоставом, мне пришлось расспросить Солоцкого о его деятельности до нашей

встречи. Оказалось, что он — универсант, исключенный из университета за политическую деятельность (левый эс-эр), а позже — приговорен к ссылке. По происхождению — кубанский казак Лабинского отдела. После приговора к ссылке ему удалось бежать за границу и там закончить университетское образование. С объявлением войны он вернулся в Россию и дослужился до чина есаула (я его называю войсковой старшина по последнему чину в Добровольческой армии). Погон ни он, ни его отряд не носил, считая это нежелательным, как не соответствующим идее равенства и как совершенно не русское. Мое возражение было, что хотя это и не русское, но надеть их надо в силу приказа Добрармии, в состав которой я уже вхожу, а остальные решили войти — равенство же это не нарушит, потому что различие должностей, пока существует война, и, следовательно, армия, все равно где-нибудь да должно обозначиться. Я исполнил приказ организации, в которую я вступил ради спасения (тогдашняя идеология, двигавшая восстание), и требую от входящих ко мне исполнения того же приказа. Никаких возражений со стороны Солоцкого на это не последовало, и он приказал немедленно своим казакам надеть, а если нет, нарисовать погоны. После этого мы немедленно приступили к разбивке отрядов. Было сформировано 3 конных четырехсотенных полка (по 2 пулемета на сотню), 1 конная сотня конвоя из кубанцев и терцев при 2-х пулеметах. Один конный отдельный двухсотенный дивизион терцев при 2-х пулеметах, Сводно-пластунский пулеметный полк семисотенного состава (5 сотен пластунских при 2-х пулеметах каждая и 2 сотни пулеметных по 10 пулеметов в каждой). Солоцкий был поставлен во главе дивизии 3-х конных полков, и он в дальнейшем оправдал свое назначение: это был редкий человек — прямой, откровенный, лично храбрый, глубоко образованный вообще и великолепно разбиравшийся в обстановке в военном деле. (Теперь изучив ленинизм, я удивляюсь, как он разошелся с большевиками и не сломил своего мелкобуржуазного уклона и пошел защищать интересы зажиточного казачества, но спросить не могу потому, что он убит на горе Недреманной к югу от Ставрополя). Итак, отряд был сформирован и по разу произвел учение в общем строю. Это заняло один день, а на рассвете 12 июля были атакованы.

Бой под Белым Ключом 13-го июля 1918 года

С рассвета красные потеснили охранение белых в районе Джагонаса — заняли горные проходы к Белому Ключу и втянулись в горы, — завязалась перестрелка без успеха для той и другой стороны. В это время белая разведка донесла, что крупные силы красных двигаются со стороны Баталпашинска и Курсавки на ст. Бекешевскую. План тов. Балахонина стал для меня ясен — он решил запереть выход из гор. Джанагаса и Бекешевской, воспользовавшись тем, что казачьей конницей в горах действовать трудно, отрезать от

станци, т. е. питания, и вынудить либо начать обратную переправу через Кубань на Лабинский отряд красных — этим бы Балахонов заставил опять драться терские отряды и еще удвоил свои силы ими.

План задуман правильно, но его приводили в исполнение слишком медленно и недостаточно скрытно; в этом виноваты частные начальники и только что мобилизованные войска Балахонова. Белая разведка, хотя была не на высоте требований от конницы, доминирующей в данном случае, но вовремя открыла мне глаза на опасность. Поэтому я немедленно оставил у Белого Ключа небольшой арьергард и форсированным фланговым маршем, со всеми обозами и беженцами, прямо через горы двинулся по тропинке на Бекешевскую. Что это была за движение — прямо «орда» идет — повозки, беженцы, раненые и т. п., все вытянулось в нитку, флангом к Баталпашинскому и Курсавскому отрядам, прикрываясь только горами и небольшими конными боковыми отрядами. Все же к 17 ч. отряд прибыл в Бекешевскую — вовремя дебушировав из гор⁶⁶, и занял станицу и гору Бекет. Красные охватили белых полукольцом и последним все же пришлось стоять рылом [так в тексте. — А. П.] к Пятигорскому отделу. Другой отряд красных стоял у занятого им Белого Ключа, собрав всю толпу беженцев и обозов у Бекешевской, я решил открыть себе дорогу на Курсавку и Ставрополь, чтобы иметь свободу маневрирования, а не быть припертыми с обозами к малопроходимым горам, за которыми были войска Пятигорского отдела. На утро была назначена атака Курсавского и Баталпашинского отрядов красных, они замешкались, поджидая подхода своего отряда из-под Белого Ключа.

Третий бой под станицей Бекешевской 14 июля 1918 г.

План мой заключался в том, чтобы обороняя Бекешевскую (со всеми обозами и беженцами) пластунами на горе Бекет и окрестных холмах, всю конницей обойти позицию красных на хребте «Два брата» и став между ними и Курсавкой, отрезать их от ст. Баталпашинской и разбить до подхода отряда из-под Белого Ключа. В 24 часа конница двинулась для производства этого маневра. Шкура и я пошли с нею. Пластунами и обозами с беженцами остался командовать Яхнов. Красные, не имея конницы, по обыкновению прозевали ночное обходное движение белых, и к рассвету белые, пройдя по лощинам между Бекешевской и Суворовской, вышли на Курсавскую дорогу в тыл красным. Все же операция была трудная, потому что красные превосходили силами более чем вдвое и имели три орудия и запас патронов, но зато у белых была конница и свобода маневра. Из окруженных белые стали окружающими — из обороняющего в атакующего, а это уже половина успеха. С рассветом началось общее наступление, как конницей, так и пластунами. Конница Солецкого быстро захлестнула и Баталпашинский путь отхода красных и к полудню красные

сбились в кучу, стараясь где-нибудь пробиться — положение их стало критическим, но в это время стал подходить отряд из-под Белого Ключа и разжал кольцо белых. Красные пробились в сторону Баталпашинска и стали устраиваться на ближайших высотах: бой был белыми проигран, потому что уничтожить красных им не удалось, не удалось и захватить огнестрельные припасы, а это лишало их возможности преследовать, в особенности при наличии у красных свежего Белоключевского отряда. Белые оказались безоружными — потери их доходили до 199 человек, главным образом от артиллерии. Отряд собрался около взятой позиции красных «Двух братьев», и я приказал обозам и беженцам выйти на Курсавскую дорогу — т. е. перекинул хвост на Воровсколесскую — ст. Курсавку. Днем начать движение и какой-нибудь маневр было нежелательно, чтобы не открыть красным своей слабости, а между тем белые были в полной зависимости от них, так как проверка патронов показала, что их оставалось по 5 на винтовку и только у части конвоя (1 сотня) их было по 15. Около 17 ч. красные начали наступление, но перегруппировка белых была закончена и отряд с сумерками под прикрытием арьергарда из сотни конвоя двинулся на ст. Воровсколесскую по Курсавкой дороге. Ст. Бекешевская была сдана без боя — число беженцев увеличилось — отсутствие патронов безусловно понизило настроение. Отряд заночевал у ключей в 10 верстах южнее Воровсколесской.

Стоянка у Ключей южнее ст. Воровсколесской

Прибыв на ночевку к «Ключам», все, выбившись из сил, заснули. Усталость была такая, что я уже боялся за исправность охранения. На рассвете мы со Шкурой и Солоцким начали обсуждать, что предпринять дальше. Положение отряда было очень тяжелое и сложное. Отряд состоял из 2800 вооруженных казаков, около 2000 невооруженных молодых людей. При отряде возилось около 100 раненых и больных и около 2000 беженцев (старики, женщины и дети). Куда деться с такой массой людей при отсутствии возможности дать бой — не было патронов. Шкуро предлагал пробраться в горы Нальчика. Я ему доказывал, что там мы отряда не прокормим, удалимся от Добрармии и столкнемся со свежими силами красных. Солоцкий был того же мнения. Поэтому я предложил провести отряд горными тропинками мимо ст. Барсуки, пересечь железную дорогу и выйти на ст. Темнолесскую под Ставрополем. Все движение произвести в темноте; одновременно 4-мя сотнями казаков атаковать Баталпашинск с Севера и там сковать силы Балахонова и запутать ему обстановку. Часов около 13-ти было получено донесение, что из Курсавки отряд красных в 500 человек при 2-х орудиях подошел к Воровсколесской, где охранение его прозевало и почти все раненые белых попали в руки красных и были расстреляны. Железная дорога охраняется отрядом, высаженным в Невиномысской. Отряд красных с Терека

занял ст. Суворовскую. Таким образом, окружение отряда Шкуры закончилось. Красные занимали Курсавку, Воровсколесскую, Невиномысскую, Баталпашинск, Бекешовскую, Суворовскую. Силами превосходили минимум в три раза, а у белых еще не было и патронов. Все эти сведения стали известны казакам, которые собрали митинг. Положение было критическое — можно было ожидать бунта, Шкуре на этом митинге удалось успокоить казаков и заявить, что полковник Яшин, как я тогда именовался, берется вывести отряд из ужасного положения, но для этого надо беспрекословно повиноваться. Таким образом, положение было спасено.

Очищение отрядом Шкуры Баталпашинского Отдела и вторжение в Ставропольскую губернию. (Темнолесский маршрут маневра). 15–16 июля 1918 года

В 16 часов 15-го июля отряд выступил от Ключей в направлении на Баталпашинск, а 2 сотни повели демонстративное наступление на Воровсколескую. Движение за горами от Воровсколесской заметно не было. Вообще наличие большой массы конницы позволяло разъездами скрывать движение белых. В сумерках отряд круто повернул на Север в направлении ст. Барсуки, 2 сотни прекратили свою демонстрацию и пошли на присоединение к отряду, а 4 сотни под командой Солоцкого продолжали движение на Баталпашинск, прорвали охранение красных и ворвались в станицу, порубили там обоз и быстро исчезли на присоединение к отряду. Красные совершенно были сбиты с толку. Воровсколесский отряд их отошел в ст. Курсавка, в Баталпашинске была паника. Силы красных ст. Бекешовки и Невиномысской пошли на Баталпашинск и все это впопыхах, ночью, чтобы наутро атаковать Шкуринский отряд, а он тем временем форсированным маршем шел к ст. Барсуки, которую и достиг к 5 часам утра 15 июля. Авангард сбил красный пост в деревне Подгорное и на ст. Барсуки захватил пассажирский поезд, к которому были прицеплены вагоны с красноармейцами. Все были разоружены, телеграф порван, и отряд без помех перешел железную дорогу. Это движение, произведенное так быстро (на повозках), по плохо проходимой тропинке, было настолько неожиданно для красных, что они даже не выслали бронепоезда из Невиномысской, а все силы бросили на Баталпашинск, ожидая там прорыва на западный левый берег Кубани. В 9 ч. отряд достиг ст. Темнолесской, где и расположился на отдых, сбив передовые ставропольские части красных, отошедших к Татарке. Таким образом, отряд в течение 26 часов сделал 100 верст по горам. Идти на Ставрополь сразу было невозможно за отсутствием патронов, и отряд наутро двинулся на деревню Бешпагир, на соединение с Добровольческой армией, потому что неясные и недостоверные слухи (телеграфа у белых не было) говорили о начавшемся движении Добрармии из калмыцких степей к югу.

Обходное движение Бешпагир-Кагульта-Донское-Птичьё. Ледовая балка и соединение с Добрармией

Итак, отряд силой до 2500 штыков и сабель, с более чем 2000 невооруженных и таким же количеством беженцев, форсированным ночным маршем прорвался на Темнолесскую. Красное командование растерялось — да и было отчего. Терский и Кубанский Совнаркомы, а тем более их местные органы совершенно не собирались помогать Ставропольскому Совнаркому, который оказался один против казачьей орды, о том, что она без патронов — он не знал. К северу от Ставрополя пала Торговая, и разъезды Добрармии дошли до сел. Медвежьего (но отряд об этом не знал). Автономов, говорят, оправданный в Москве, вернулся с большими и широкими полномочиями на Кавказ, чтобы удовлетворить казаков и объединить их с советами, но он уже был дискредитирован и с той, и с другой стороны. Я первый уже отнесся недоверчиво к Автономову и категорически отклонил всякую мысль, чтобы *сговориться с властью, которая не имела власти* [выделено нами. — А. П.]. Она могла сколько угодно гарантировать безопасность жизни и прав казаков, а местная власть расстреляет, как это было с полусотней казаков ст. Бекешевской и Суворовской, вернувшихся назад (Автономов писал Шкуре). Немцы на Кавказ не наступали, так что всякие слова о самозащите русских народностей от иностранного вторжения отпадали, и, как я уже сказал, белые с местной властью работать не стали.

До меня дошли сведения, что Добрармия решила не распыляться, а устроилась в калмыцких степях и в числе 2000 человек начала движение на Торговую, быстро увеличиваясь по мере движения вперед, но сведения эти были из области слухов, поэтому я решил не брать Ставрополя, атака которого и в особенности удержание были затруднительны из-за отсутствия патронов и состояния отряда, а двинуться в обход его на север на поддержку Добрармии, а в селениях по дороге пополняться патронами. Шкуро с этим согласился, отряд быстрыми маршами обошел Ставрополь через Бештагир-Кагульту-Донское. Боевых столкновений по дороге почти не было (если не считать легких перестрелок с автомобилями красных). Ставропольский Совнарком объявил мобилизацию, но она была решительно пресечена движением белого отряда. Произошло это следующим образом: при занятии Кагульта было захвачено несколько человек красноармейцев с автомобилем и председателем Ставропольского Совнаркома Петровым во главе, только что расстрелявшим двух казаков (члены Кубанской Рады, бывшие в Баталпашинском отделе и от отряда поехавшие вперед готовить население). Он выехал в Кагульту для мобилизации, и не знал о форсированном марше отряда на Кагульту. При нем было захвачено 128 тысяч рублей денег (николаевские), бумаги с бланками и печать Ставропольского Совнаркома. Приехал он в Кагульту на рассвете, а красный отряд должен был прибыть к вечеру для обеспечения Кагульта от захвата. Под мою диктовку Петров (надо сказать, очень быстро и охотно) написал приказ крас-

ной колонне идти не на Кагульту, которая была в безопасности, а на Петровское, где ждать его приказа. Печать была проставлена, и сам Петров указал крестьянина сел. Надежда, которому надо отвезти этот приказ (при помощи казака, переодетого в крестьянское платье) и который срочно доставит его в колонну. Невысокой нравственности был этот Петров. Бывший штабс-капитан, видимо, подыгравшийся к солдатам и потому пролезший в председатели Ставропольского Совнаркома, попав в руки белых, он добровольно, подробно, рассказал обо всем, что делается у красных, и даже предположения и проекты дальнейших действий Советской власти. Я уже не говорю про численность и состав войск. Он заявил, что продолжает считать себя офицером, и потому готов все делать во вред красных — на это я ему возразил, что мы его за офицера, по его предательству, считать не можем. Военно-полевой суд приговорил его к повешению — это была первая казнь в отряде Шукура.

Вообще в смысле казней Шукура был полной противоположностью Покровскому (тоже казачьему генералу, который был глупо жесток, в то же время Шукура не подходил и под категорию твердых начальников, видевших в этом печальную необходимость. У него в отряде в то время бывали случаи самосуда казаков над пленными на поле боя, как это постоянно бывало в гражданской войне (с этим он тоже слабо боролся), но сам он не подписывал смертных приговоров, даже приговор над Петровым подписал я. Иногда он миловал лиц, из казаков и иногородних, явно преступных во всех смыслах, несмотря на мой доклад. А так как в партизанском отряде наказанием преступника могла быть только смерть, либо освобождение, то масса грабителей и убийц продолжали свое преступное дело и наводняли район прохождения отряда. Его милость мародерам и грабителям стали мне до известной степени понятны, когда я уличил его в приеме денег от казаков после явного грабежа. С другой стороны, его милосердие имело и свои хорошие стороны, потому что милость эта касалась и политических врагов, и потому не разжигала политических страстей. (Как он действовал с августа 1918 г., когда я с ним расстался, сказать не берусь).

Отряд пополнился патронами и оружием в деревнях и пошел на с. Донское — были сформированы ставропольские роты, население добровольно взялось защищать Ставропольскую губернию от красных, но без вывода из пределов губернии. Ставрополь волновался. Наконец, разъезды отряда вошли в связь с разъездами Добрармии в районе Медвежьего. Я послал донесение в штаб [штаб армии. — А. Л.]. Из Птичьего Шукура поехал в Добрармию, чтобы узнать, что делать дальше. Я же получил известия, что пала Тихорецкая, но со стороны Ледовой балки красные угрожали Добрармии. Отряд быстро занял Ледовую балку, и отряд красных рассеялся. В это время отряд возрос уже до 2800 штыков, из них было около 2000 ставропольских и 3200 сабель (все вооруженные), и имея по 100 патронов на винтовку. Кроме того, более 2000 беженцев — женщин, детей и стариков. В Ледовую балку приехал генерал Уваров (врид. военного губернатора Ставропольской губернии) с приказом генерала Деникина из Тихорецкой взять

Ставрополь. Я уже двинулся на Птичье-Моздокское, откуда мною была послана телеграмма Ставропольскому Совнаркому и Совету, «чтобы не подвергать города разрушению обстрелом тяжелой артиллерии, красным силам покинуть Ставрополь. Общественным организациям выехать навстречу отряду». Так и случилось (хотя у меня не было не то чтобы тяжелой, но просто ни одной пушки). В ту же ночь с 22 на 23 июля 1918 г. отряд вступил в Ставрополь и выставил сторожевое охранение по линии Татарка-Надежда. Красные отошли на ст. Барсуковскую-Темнолесскую. Было захвачено громадное имущество ставропольских складов, 6 орудий, нуждающиеся в починке, и много пулеметов, потерь не было. 23 июля вернулся Шкура. Стало известно, что в Добрармии было около 7500 штыков и сабель. Отряд Шкуры должен был быть сведен во 2-ю Кубанскую казачью дивизию и при ней пластунская бригада из 6, 12 и 18 батальонов. В Ставрополь назначен военный губернатор полковник Глазенап⁶⁷. Он же должен был объединить командование всеми силами по обороне Ставрополя, с ним должен был прибыть полк казаков, 2 орудия и бронепоезд. В Ставрополе был сформирован офицерский полк.

Снабжение отряда должно было происходить из ставропольских складов и Тихорецкой, так что оно уже принимало организованный характер. Уже раньше захват 128 тысяч рублей у Петрова позволил делать платные заготовки и платить, хотя и ничтожное, но все же жалование казакам — теперь это становилось на более твердую ногу, хотя у Деникина денег не было, но он все же мог организованно облагать население, более или менее равномерно распределять тяготы войны, что было крайне важно для поддержания сочувствия определенных групп населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОГО ПЕРИОДА

Итак, бросая взгляд назад на события первой половины 18 года в Пятигорском, Баталпашинском и Лабинском отделах, надо констатировать, что основная масса населения не только пролетариата, но и примыкающего к нему беднейшего крестьянства, но и зажиточное казачество (крестьянство) до кулацких элементов включительно, первоначально были довольны советской властью, и ни в коем случае не собирались ему противодействовать и идти за лицами, звавшими его защищать «отечество».

В то же время, надо отметить, что очень много лиц из руководителей местной власти далеко не были не только политически грамотными, но даже тверды в основах пролетарской идеологии. В их среду вклинилось и много авантюристов, думавших только о себе и готовых предать пролетарскую революцию при первой опасности или выгоды для себя.

Основная масса населения была, конечно, политически безграмотна и только постепенно, инстинктивно расслаивалась по своим имущественным интересам. Столь же безгра-

мотен оказался в большинстве и комсостав старой армии, который на Кавказе, видимо, не был представлен твердыми, цельными силами, что доказывается тем, что он первоначально (я говорю про Минеральные воды) не рискнул присоединиться ни к той, ни к другой стороне и пребывал в положении заурядного обывателя. Действительно, в движении участвовали казачьи офицеры и единицы из общеармейских. Интеллигенция вполне заслужила презрительное отношение к ней и той, и другой стороны и клички «недорезанного буржуя», потому что пребывала в полной растерянности, и ее участие в жизни сказывалось только в непрерывном дрожании, жалобах и пускании слухов.

Зажиточное крестьянское население этого района, встретив сочувственно Советскую власть, скоро почувствовало, что ему придется поступиться кое-какими своими интересами и привилегиями, которыми оно пользовалось раньше.

Управление ускользнуло из его рук — ему нельзя уже было пользоваться прежними преимуществами и безнаказанно эксплуатировать иногороднюю бедноту, закрытие базаров, ошибки, доходившие часто до преступления, Красной гвардии и многих должностных лиц, довершили дело озлобления этой части населения, и, как я уже указывал выше, «идея отечества воскресла», к этому добавлялась угроза германского нашествия, авантюра Автономова, вызвавшая ряд арестов, и теплое время года, позволявшее жить в лесах.

Зажиточное казачество заволновалось, но все же понадобилось наличие 50 казаков Шкуры и организационная работа ряда офицеров, чтобы сорганизовать нестройную станичную толпу. Советским работникам, которым придется работать при организации беднейших элементов деревни других стран, надо это твердо помнить (крестьянин — не рабочий, он не знает организации).

Началось мелкобуржуазное восстание, которое мною и мне подобными, было принято за движение «за отечество». Шкура и Солоцкий были типичными представителями хуторян, действовавших в унисон, несмотря на кажущуюся разность своих политических взглядов, потому что первый мог быть назван даже монархистом, а второй был левый эсер, но экономическая сущность их была одинакова.

Население района резко расслоилось по своим классовым интересам, беднота пошла «по мобилизации» за большевиками, зажиточные тоже «по мобилизации» за лозунгом «за отечество». На стороне красных было преимущество владения складами, путями сообщения, телеграфом, оружием и кадрами Красной гвардии. Зато было слабое знание военного дела, да еще подводила недостача хороших идейных работников и начался какой-то «удельный период» [выделено нами. — А. П.], приведший к тому, что каждый хотел бороться за себя и страшно ревниво относился к прерогативам своей власти⁶⁸. У белых картина была обратная, но особенно выявлялось нежелание драться за других, а только за свою станицу или деревню — в этом сказывается, насколько лозунг «за отечество» по существу был чужд этому движению; и в то же время питаться надо было за счет населения данной стоянки,

а оружие и патроны брать у противника. Но у белых было еще одно большое преимущество — Северный Кавказ был совершенно отрезан от влияния крупного капитала — мелкая буржуазия видела только одного врага — бедняка, а крупный капитал ее давить не мог — немцы не дошли, а Антанта пробраться не могла. И вот мелкая буржуазия могла целиком проводить свои интересы, раз она стоит у власти — этим я и объясняю интенсивность движения в 1918 г. Позднее, после 27 ноября 1918 г., когда суда Антанты прорвали Дарданеллы и Босфор, картина стала меняться, и, несмотря на первоначальный успех снабженного деньгами и оружием Деникина, он пошел к гибели. Добрармия совершенно незаметно для ее участников, стала превращаться в наемников интернационального капитала, и если этого не замечали слепцы, вроде меня, то факт все же оставался фактом. В тылу у Деникина начались восстания не только пролетариата и беднейшего крестьянства, но и с поддержкой мелкой буржуазии, интересы которой были принесены в жертву крупному капиталу.

При изложении фактов я уже указывал, что первоначально особого озлобления среди борющихся сторон не обнаруживалось, и советские деятели, и казачьи отряды ограничивались арестами и потом выпускали арестованных. Но постепенно эта картина стала меняться. Если раньше только стремились удержать или захватить власть, то потом на сцене появились репрессии, а часто и просто жестокость. Уничтожение озлобленными на Красную гвардию казаками красногвардейского отряда под Бекешевской нашло свой отклик в кисловодских репрессиях красных, и это постепенно нарастало. В описанный период это явление еще не приняло массового характера, но в дальнейшем изложении мы увидим, что оно все ширилось и росло, и что высшие начальники той и другой стороны справиться с ним не могли, а отдельные лица даже сами приняли в этом участие.

Таким образом, этот только что описанный период и последующий до конца 1918 г. (прибытие судов Антанты в Новороссийск) я бы охарактеризовал как период недостаточно организованной борьбы бедняков за свои права и восстание мелкобуржуазных элементов за свои привилегии.

В смысле чисто военного дела выявляется, что партизанский отряд формировался, комплектовался и организовался непосредственно в бою, добывая вооружение и пропитание боем или передвижением. Управление таким отрядом крайне затруднительно — оно постоянно вырывается из рук начальника. Кроме того, такой, только что собранный отряд повстанцев, очень близко стоит к толпе, психология которой всецело к нему применима. Поэтому в таком отряде необходим хороший оратор, хорошо знающий местное население, который был бы способен ликвидировать ряд тех недоразумений и даже возмущений, которые всегда будут возникать после неудачного боя и необходимости оторвать повстанцев от их жилья и семейств. Поэтому восстание не может базироваться на одну точку, а требуется несколько очагов, чтобы отряд мог бы спастись после неудачи и укрыть своих беженцев, которые не рискнули остаться в покидаемом районе.

Для уличного боя и вообще для обороны местного пункта повстанческий отряд крестьян малопригоден, так же как и для всякого упорного боя — отряд способен взять с налета, но если этот налет не удался, то быстро выдыхается. Всякие неудачи разочаровывают повстанцев и сильно понижают их численность, что должен помнить каждый, руководящий военными операциями отряда.

Продолжение — первая Ставропольская операция.

Слащов. 12.03.1925

ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1045. Л. 2–31.

Окончание в следующем номере...

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 97. Записка генерала П. С. Махрова. «Военный совет в Севастополе». 1926. Л. 24.

² ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 97. Богаевский А. П. Выборы Главнокомандующего. Март 1920 г. Л. 17–18.

³ Там же. Оп. 2. Д. 330. Егоров А. Е. О службе в Добровольческой армии Деникина. Л. 173.

⁴ Вертинский А. Н. Дорогой длиною... М., 1991. С. 117.

⁵ Kenez P. Civil war in South Russia, 1919–1920. The defeat of the Whites. Berkeley, 1977. P. 263.

⁶ Деникин А. И. Мой ответ (о воспоминаниях ген. П. Н. Врангеля) // Иллюстрированная Россия. Париж, 1930. 24 мая. С. 4.

⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. V. С. 773.

⁸ Врангель П. Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. М., 2006. С. 359, 394.

⁹ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive. (BAR). Shatilov collection. Вох 9. Шатилов П. Н. Mémoires. Гражданская война. P. 821, 826. — Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).

¹⁰ Евтушенко Е. А. Пролог // Весь Евтушенко. М., 2010. С. 60.

¹¹ Кручинин А. С. Генерал Я. А. Слащов-Крымский и самосознание добровольческого офицерства // Белое движение на Юге России (1917–1920): Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995. С. 43.

¹² Шидловский С. Н. Записки белого офицера. СПб., 2007. С. 69.

¹³ «Гроза тыла и любимец фронта»: генерал Я. А. Слащов в 1920–1921 гг. / Вводн. ст., подг. текста к публ. и коммент. Л. И. Петрушевой // Новый исторический вестник: Избранное, 2000–2004. М., 2004. С. 249.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 263. Воспоминания бывшего ротмистра Крымского конного полка. «Орловщина». Л. 5.

¹⁵ Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920 / Вступ. ст. и примеч. А. В. Посадского. М., 2014. С. 428–429.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 391. Заметки В. В. Чернавина об эвакуации Одессы в 1920 г. Л. 22.

¹⁷ Также см.: Пученков А. С. Новый взгляд на историю Крыма // Родина. 2015. № 7. С. 120–121.

¹⁸ По утверждению покойного историка А. Г. Кавтарадзе, «оригинальные и яркие приказы Слащова, наряду с его умелым руководством войсками по обороне Крыма и личной храбростью, в значительной степени способствовали росту его авторитета в военных и гражданских кругах и созданию вокруг его имени ореола выдающегося военачальника». (См.: Предисловие А. Г. Кавтарадзе / Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и докумен-

ты. М., 1990. С. 12). «Весь Слащов — в своих знаменитых “суворовских” приказах, над которыми издевались Врангель и другие, но которые столь по-своему замечательны, что их, право, стоило бы издать отдельной книгой», — такая характеристика приказов Слащова содержится в глубоком исследовании симферопольских историков А. Г. и В. Г. Зарубиных. (См.: Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 553). Специально исследовал «суворовские приказы» Слащова А. С. Кручинин (см.: Кручинин А. С. «Константинопольская брошюра» генерала Я. А. Слащова-Крымского: к вопросу о стилистическом и жанровом своеобразии // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М., 2011. С. 207–209).

¹⁹ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. С. 553. — «Подобные грозные приказы накрепко связали с именем генерала ярлык “вешателя”. На самом деле по подтвержденным Яковом Александровичем приговорам за крымский период его деятельности было казнено немногим более тридцати человек, а свидетельств о тайных или бессудных расправах, которые приписывала генералу молва, не смогло впоследствии разыскать даже отнюдь не благоволившее к Слащову следствие», — утверждает биограф генерала А. С. Кручинин (см.: Кручинин А. С. Генерал-лейтенант Я. А. Слащов-Крымский // Белое движение: Исторические портреты. М., 2013. С. 583). Самая громкая из расправ в Крыму начала 1920 г. связана с арестом и расстрелом группы красных подпольщиков во главе с И. А. Назукиным, получившая наименование «дело 14-ти». Эта акция контрразведки сорвала готовящееся большевистское восстание, при этом Слащовым был собственноручно утвержден расстрельный приговор в отношении арестованных (см.: Крестьяников В. В. Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну // Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. I. С. 215–216.).

²⁰ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. С. 553.

²¹ Кручинин А. С. Генерал-лейтенант Я. А. Слащов-Крымский... С. 563.

²² Булдаков В. Прошлое не уходит / «Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории» Александра Пученкова // Российская история. 2015. № 1. С. 164.

²³ Совокупность военных взглядов Слащова легла в основу его работы «Мысли по вопросам общей тактики», опубликованной в 1929 г., уже после гибели Якова Александровича. См.: Слащов Я. Мысли по вопросам общей тактики. М.; Л., 1929. — На страницах специализированных советских военных изданий Слащов публиковал свои работы по военной теории и истории гражданской войны, в которые неизбежно вкрадывались и личные воспоминания. См., например: Слащов. Маневр как залог победы // Выстрел. 1926. № 3. С. 26–33; № 4. С. 20–28; № 5. С. 20–29; Слащов. Материалы для истории Гражданской войны в России // Военный вестник. 1922. № 9–10. С. 38–43; № 11. С. 32–36; № 12. С. 41–44; № 13. С. 49–51; Слащов. Действия авангарда во встречном бою // Военный вестник. 1922. № 14. С. 9; Слащов. Лозунги русского патриотизма на службе Франции // Кто должник? М., 1926. С. 568–582.

²⁴ Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь, 1927. С. 288.

²⁵ «К работе он относился добросовестно и проявил себя как крупный военный специалист», — признавал участвовавший в операции по возвращению Я. А. Слащова на Родину и отнюдь не симпатизировавший генералу чекист Ф. Т. Фомин (см.: Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1964. С. 147).

²⁶ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. М., 1998. Т. I. Кн. вторая. С. 94.

²⁷ Возвращение генерала Слащова / Публ. А. Здановича // Неизвестная Россия. XX век. Кн. третья. М., 1993. С. 113.

²⁸ Предисл. Д. Фурманова / Слащов Я. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. М.; Л., 1924. С. 3.

²⁹ Там же. С. 5.

³⁰ Там же. С. 7.

³¹ Там же. С. 8.

³² Там же.

³³ Там же. С. 11.

³⁴ Там же. С. 12–14.

³⁵ *Кручинин А. С.* Воспоминания генерала Я. А. Слащова-Крымского как источник по истории Гражданской войны в России // Библиотека и история: Сб. трудов. М., 1998. Вып. IV. С. 119.

³⁶ Там же. С. 134.

³⁷ *Слащов Я. А.* Лозунги русского патриотизма... С. 573.

³⁸ Речь идет о возникновении 2(15) ноября 1917 года в Новочеркасске «Алексеевской организации», ставшей прообразом и организационной основой будущей антибольшевистской Добровольческой армии. «Армия! Громкое слово. Трудно назвать армией 2–3 тысячи человек соединенных в отряды разной величины и разно организованные, отряды без обозов и записок. Тыла у армии не было, везде был фронт. Однако по задачам это была армия. Добровольческая армия ставила себе цель освободить Россию от большевиков и заменить власть интернационалистскую властью русской национальной», — писал участник Белого движения, полковник С. Н. Ряснянский. (См.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 605. Ряснянский С. Н. Первые — начавшие. 1928. Л. 58.).

³⁹ Для сравнения: в знаменитом I Кубанском «Ледяном» походе Добровольческой армии, согласно подсчетам московского историка С. В. Волкова, участвовали 3683 человека. (См.: *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 95).

⁴⁰ Иногородние — люди, проживающие на территории казачьего войска, но не принадлежавшие к казачьему сословию; преимущественно — переселенцы из Центральной России и Украины, не обладавшие привилегиями, которыми были наделены коренные жители — казаки.

⁴¹ О Юго-Восточном Союзе см.: *Харламов В. А.* Юго-Восточный Союз в 1917 году // Донская летопись. Берлин, 1923. № 2. С. 284–292.

⁴² Подробнее см.: *Пученков А. С.* Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): Идеология, политика, основы режима власти. Дис... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 185–188.

⁴³ «Болея душой при виде полного развала некогда могущественной Родины и видя, как грозные результаты этого развала гигантскими шагами приближаются к границам Донской области, а кое-где и перешагнули за черту ее, — войсковой атаман [А. М. Каледин. — А. Л.] в непрестанной тяжелой работе изыскивал пути и способы, чтобы хотя в пределах области задержать процесс разложения, которому в то время поверглась вся страна. Ценой разных уступок, подчас тяжелых компромиссов, ему иногда удавалось создавать кое-какие препятствия надвигающимся грозным событиям, задерживать временно то или иное развитие их. Но едва он, пользуясь этим минутным затишьем, пытался приступить к созидательной работе, как возникали новые осложнения, и притом зачастую с той стороны — откуда их никто не ждал. Естественно, что всякий новый фактор, несущий с собой начало государственности и являющийся таким образом поддержкой атамана в его стихийной борьбе, встречал в его лице самое широкое сочувствие и признательность, в самом обширном смысле слова. В силу того, естественно, идея воссоздания русской армии не могла не найти с его стороны самой широкой поддержки... генерал Алексеев и генерал Каледин пришли к следующего рода компромиссу: все прибывающие на Дон военные чины считались беженцами, спасавшимися от ига большевизма, и как таковые размещались в особых общежитиях. С этого времени и начинается та материальная помощь, которую войсковой атаман оказал Добровольческой армии», — так излагалась картина событий в памятной записке «Начало Добровольческой армии», составленной в 1919 г. (См.: РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Материалы полковника Я. М. Лисового по истории Добровольческой армии. 1919 г. Л. 61, 69).

⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Пученков А. С.* Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России... С. 83–96.

⁴⁵ На наш взгляд, довольно четкое представление о политических взглядах первых добровольцев дают воспоминания начальника отдела укомплектования Штаба Добровольческой армии полковника И. Ф. Патронова: «лозунги, а также личные указания Корнилова допускали в армию людей всех направлений до эс-еров и эс-деков

включительно, только не большевиков. Корнилов понимал, что только объединением антибольшевистских элементов можно рассчитывать на победу над большевизмом... Однако левые группы предлагали только своих вождей, например, Савинкова... но бойцов не давали. За ними не шли массы, ни даже городская интеллигенция. Наш боевой элемент состоял или из монархистов по воспитанию и убеждению, или из лиц безразличных политически, чисто военных, объединенных идеей спасения России от большевиков. Слово "Учредительное Собрание" для добровольцев (также и для народных масс, как выяснилось потом) было чуждо, малопонятно или даже одиозно, подобно словам — комиссар и комитет. Когда же в январе 1918 г. были получены сведения о разгоне Учредительного собрания матросом Железняком, то оно получило с тех пор презрительное имя Учредилка. Республиканцы или эс-эры мартовского толка... попадались в армии в виде исключения. Объединяющей идеей был Корнилов и его приказ. А что он писал, какую политическую программу объявлял, это мало интересовало добровольцев. Возникавшие изредка споры на политические темы в нашем общегитии не вызывали раздоров, ибо в конце концов все сводилось к тому, что прикажет Корнилов. Приказ был тем магическим словом, против которого нечего было возражать — нравится или не нравится». (См.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 556. Л. 68–70). Ср. с мнением белогвардейца Д. Б. Бологовского, так объяснявшего свои мотивы поступления на службу в Добровольческую армию: «Я не был ни сумасшедшим, ни садистом, ни нравственным выродком, желающим крови ради крови. Нет, я был нормальным физически и психически, но я был офицером поруганной русской армии и сыном распятой России. Глубокой, продуманной и прочувствованной ненавистью ненавидел я социализм, демократизм, коммунизм и все, что оканчивается на "изм"...». (См.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259. Л. 21).

⁴⁶ Филимонов Александр Петрович (1866–1948), Войсковой атаман Кубанского казачьего войска (1917–1919), генерал-лейтенант. Будучи от природы человеком несколько нерешительным, Филимонов на своем посту пытался достигнуть компромисса, избирая линию, которая в равной мере, как ему казалось, должна была устраивать и умеренные кубанские круги и самостийников, и командование Добровольческой армии. По словам самого Филимонова, "Договариваться" с кем-либо о способах борьбы с кубанской оппозицией мне не позволяло чувство человека, обязанного своим положением тому учреждению, к которому принадлежали и оппозиционеры. Но и без всякого официального договора я не забывал делать дружеские дела по отношению к Добровольческой армии... Ничего другого я не мог делать в переживаемое большое время и не должен был делать. В палате горячечно-больных полицейские окрики и внушение неуместны. Претерпевая тяжкие нравственные мучения в борьбе с разрушительной работой разного рода маньяков, я был безмерно счастлив, что строевое казачество неизменно доблестно дралось на фронте». (См.: ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 37. Письмо Филимонова Деникину. 8 июля 1924. Л. 7.). Особенности кубанского парламентаризма обрекали лояльного Деникину атамана Филимонова на роль безликого статиста в сложной политической игре, проходившей в то время. Фактически Филимонов взял на себя неблагоприятную роль своеобразного буфера между Деникиным и Радой. Сам атаман утверждал, что его усилия по достижению компромисса между Деникиным и кубанским парламентом, «не давали желаемых результатов и ставили самого атамана в тяжелое положение между двух огней. Вражда то затихала, то вспыхивала с новой силой, грозя перейти в открытый конфликт». (См.: *Филимонов А.* Историческая справка // Новое время. Белград, 1923. 11 октября). Уже в эмиграции Филимонов упрекал белое главнокомандование в отсутствии должного уважения к нравам и обычаям казачества: «Вожди белого движения правильно рассчитали, что свою работу они могут развить только в казачьих областях и потому, без предварительного сговора, туда и направились, но было неправильно то, что, принося казакам идею и пафос борьбы за Родину, они не принесли с собой искренней любви и уважения к казачеству в его целом. В казачьих областях искали не друзей и сотрудников, а "материал" для "цветной" армии. Горсточка добровольцев, прибыв на Дон и на Кубань, не захотела принять казаков такими, какими они были в действительности, и, тем более, не захотела слиться с ними органически, а решили подчинить их законченную и самостоятельную организацию своему влиянию и своему господству. Добровольцы не скрывали своего критического, а иногда иронического отношения к каза-

чьим порядкам и казачьей власти. Казаки же, открывая братские объятия добровольцам и гостеприимно приглашая их в свою просторную и богатую хату, считали себя вправе требовать, чтобы гости, по православному обычаю, при входе снимали шапки. Эта скромная претензия оказалась неприятной неожиданностью и многих добровольцев приводила в крайнее раздражение. Радость спасительной для обеих сторон встречи омрачилась с первых шагов совместной работы взаимным непониманием. Задача перевоспитания и преобразования казачества была явно несвоевременна: для этого у добровольцев не было ни времени, ни средств, ни ясного для всех права». (Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2006. С. 268–269).

⁴⁷ Караулов Михаил Александрович (1878–1917), атаман Терского казачьего войска, депутат II и IV Государственной Думы, член Временного комитета Государственной Думы. Убит 13 (26) декабря 1917 г. на станции Прохладной солдатами ополченческой дружины. «Ряд лет практики в Государственной Думе были отличным дополнением незаурядного ума, находчивости, смелости, ораторских способностей и прочего, что так важно и нужно для надлежащего ведения заседаний большого собрания. Многолетняя политическая работа и солидное образование ввели его в курс современных политических идеалов и социалистических течений, а углубление в прошлое казачества, в результате которого явился его достойный труд по истории терского казачества, дало ему богатейшие познания в казачьих и в особенности в наших терских вопросах, нуждах и ожиданиях. Представительный и во всех отношениях выдающийся казак, искренно болевший за интересы казачества, он был действительным кандидатом в Председатели Круга вне всякой конкуренции. Он вполне оправдал наши ожидания, став руководителем работы Войскового Круга... Он был значительно крупнее того, что для роли Войскового атамана было нужно. Он был деятелем государственного масштаба, что всякий чувствовал с первого же соприкосновения с ним... К голосу его прислушивались на Тереке и друзья и враги, и жадно ловили для руководства каждое его слово... Никто другой в то время на Тереке не пользовался таким непререкаемым авторитетом, как Караулов, и это было самое важное из его достоинств», — вспоминал член Терского войскового правительства Д. С. Писаренко (См.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 569. Писаренко Д. С. Терское казачество и 3 года революции и борьбы. Л. 47, 52).

⁴⁸ Покровский Виктор Леонидович (1889–1922), генерал-лейтенант, один из виднейших организаторов антибольшевистского движения на Кубани. Отличался крайней жестокостью. Убит в Болгарии жандармами. «К должности командующего армией он не был подготовлен, но безусловно это человек больших военных способностей (не только личная храбрость и энергия). Был он действительно жесток. О сребролюбии его сказать ничего не берусь», — писал о Покровском генерал В. В. Чернавин. (См.: ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 395. Примечания генерала В. В. Чернавина к воспоминаниям генерала П. С. Махрова. Л. 31). Подробнее см.: Пученков А. С. Антибольшевистское движение на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 – февраль 1918 г.): к истории отряда генерала В. Л. Покровского // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 98–111.

⁴⁹ Подробнее см.: Пученков А. С. Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России... С. 279–289.

⁵⁰ Подробнее об этом см.: Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина. СПб., 2012. С. 139–143.

⁵¹ Ср.: «богатое население Северного Кавказа летом 1918 г. восстало против Соввласти из-за передела земли и отобрания излишков продуктов. Это движение было довольно серьезно. Оно питалось мелкой буржуазией, которая желала эксплуатировать пролетариат и беднейшее крестьянство и которая по условиям времени не чувствовала на себе гнета крупного капитала. Это движение слилось с остатками Добрармии Алексеева и Деникина...» (См.: Слащов Я. А. Лозунги русского патриотизма на службе Франции // Кто должник? Сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции. М., 1926. С. 568).

⁵² Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (1886–1947), генерал-лейтенант, участник Белого движения. Повешен в Москве по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Генерал Н. В. Шинкаренко писал о Шкуро: «В нем, когда знал я его, не было ни малейшего зернышка ни ябедничества, ни фискальства... Несомненно, был он

одарен крупными партизанскими способностями... В войне более настоящей и во главе крупных частей, Андрей Шкуро особых дарований не проявил. Человек был очень к себе располагающий...» (См.: Центральный музей Вооруженных Сил. Документальный фонд. Ф. Собрание Музей-Общество «Родина». Воспоминания генерал-майора Н. В. Шинкаренко о его жизни, о войнах, и о тех делах, в которых ему довелось участвовать. 1958. Ч. 2. Л. 132). Человеком «не жестоким, даже добрым» назвал Шкуро и склонный к предельной объективности в оценках генерал В. В. Чернавин. (См.: ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 395. Примечания Чернавина к воспоминаниям генерала П. С. Махрова. Л. 31). Любопытную сравнительную характеристику генералов Покровского и Шкуро приводит в своих неопубликованных «Заметках, дополнениях и размышлениях к "Очеркам русской смуты"» генерал А. И. Деникин: «Покровский был холодно-жесток, Шкуро — беспутный, добрый и мягкий человек. Оба имели свободный взгляд на "военную добычу" — и для себя, и для полков. Но Шкуро щедрой рукой раздавал "благоприобретенное" всякому, кто ни попросит, прикармливая ничтожных и бесполезных приживалов. Покровский же реализовывал "добычу" в крупном масштабе и употреблял ее расчетливо, для создания себе политического влияния. Оба были полезны армии в боевом отношении и опасны развращающими методами обращения с населением. Но во сто крат опаснее были бы они, перекинувшись в стан кубанских самостийников. Самостийники ненавидели их, боялись их и всячески старались умалить их влияние на казаков. Но приняли бы их в свой стан, если бы они пожелали перекинуться туда, с распростертыми объятиями и тогда постарались бы раздуть слагающуюся репутацию их как "народных героев". (BAR. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 12. Рукопись А. И. Деникина «Заметки, дополнения и размышления к "Очеркам русской смуты"». Folder 1. P. 42–43. — Предоставлено С. Машкевичем).

⁵³ Если верить воспоминаниям белогвардейца С. Высокояна, в Екатеринодаре летом 1918 г. ходили слухи о том, что Корнилов жив, а большевики, чтобы убить всякие попытки к восстанию, якобы сожгли куклу Корнилова и широко распространили слух о мнимой гибели генерала. Лишь осенью того же года эти слухи прекратились. (См.: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 305. Высокоян С. Боевые действия в Майкопском отделе Кубанского казачьего войска в период с июня по сентябрь 1918 г. Л. 7).

⁵⁴ Буачидзе Ной (Самуил Григорьевич) (1882–1918), большевик, в 1918 — председатель СНК Терской народной республики. Убит на митинге. Подробнее о советском строительстве в Терской области весной-летом 1918 г. см.: *Лобанов В. Б.* История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917 – 1920 гг.: на материалах Терка и Дагестан. СПб., 2013. С. 186–204.

⁵⁵ Автономов Александр Исидорович (1880–1919), Главноверх войсками Красной армии Северного Кавказа. Умер от тифа. Подробнее об Автономове см.: *Лученков А. С.* Антибольшевистское движение на Юге и Юго-Западе России... С. 405–407.

⁵⁶ Яков Александрович Слащов закончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1911 году по 2-му разряду. (См.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917 – 1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 340.)

⁵⁷ Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859–1918), болгарский и русский генерал, расстрелян красными вместе с генералом Н. В. Рузским в октябре 1918 г. в Пятигорске. На ранее сделанное ему предложение о переходе на службу в Красную Армию ответил отказом.

⁵⁸ Подтверждение рассказу Слащова о содержании его беседы с Автономовым можно найти и в воспоминаниях А. Г. Шкуро; последний, естественно, не был знаком с «истпартовским» вариантом записок своего бывшего начальника штаба. (См.: *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана // Белое дело. Избранные произведения в 16 книгах. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 112–120).

⁵⁹ Шифнер-Маркевич, Антон Мейнгардович (1887–1921), Генерального штаба генерал-майор, в Вооруженных Силах на Юге России наиболее отличился в должности начальника штаба партизанской бригады А. Г. Шкуро,

позднее развернутой сначала в дивизию, а затем в 3-й Кубанский казачий корпус. Скончался от последствий ранений в Галлиполи. «Быстрый, живой, юркий, сообразительный. Юркость — одно из природных качеств Шифнера, и она проистекала из расовой особенности Шифнера, имевшего, как кажется, в своей крови нечто еврейское, хотя это не мешало ему быть доблестным генералом и прекрасным кавалерийским начальником. Он выдвинулся как таковой, будучи начальником штаба Шкуро, который именно ему обязан своими блестящими победами в угольном районе, взятием Харькова и т. д. Для казаков Шифнер всегда оставался иногородний, то есть пришлый, чужой, со стороны, не свой, не казак, который, хотя и почитался за смелость и храбрость, но духовной, кровной связи с ними не имел... Шифнер искренне скорбел, что он не прирожденный казак. Звание это для него сейчас было привлекательнее всякого княжеского и графского титула, и чего бы он не дал, чтобы стать настоящим казаком. Самолюбие его было уязвлено. Чем же он не казак?... Впрочем, за лихость, простоту обхождения и скромность его привычек, казаки прощали Шифнеру его "иногородничество", и те, кто хоть раз с ним побывали в бою, потом шли за ним охотно и беззаветно», — вспоминал генерал В. А. Замбржицкий. (См.: ГАРФ. Ф. 6559. Оп. 1. Д. 5. Замбржицкий В. А. Последний поход на Кубань. Август 1920 года. Записки участника. Л. 46–47.).

⁶⁰ Веденяпин Петр Александрович (1884–1955), Генерального штаба полковник, в Добровольческой армии — с самого начала, входил в ближайшее окружение основоположника Белого движения на Юге России генерала М. В. Алексеева. Умер в Аргентине. В памятной записке о начале Белого движения, составленной по просьбе полковника Я. М. Лисового, в феврале 1919 г., Веденяпин писал: «Мысль о создании армии из добровольцев возникла у нас еще задолго до большевистского переворота в Петрограде. Начало осуществления этой идеи, в виде предварительного подбора и повсеместной правильной организации боеспособного элемента, было скрыто в работе реорганизованного для этой цели Главного комитета "Белого креста" в его отделе "пособий и труда". К сожалению, организацию эту не успели развернуть в должном масштабе по всей России. Выборы района формирования Добрармии были сделаны спешно уже после большевистского переворота в Петрограде и во время боев в Москве (туда я был послан генералом Алексеевым для ориентировки). Тогда стало ясно, что продолжать работу на местах не удастся, что большевистское движение приняло грандиозные, стихийные размеры, что дальнейшее сопротивление на местах поведет лишь к уничтожению наших сил. Главнейшая заслуга генерала Алексеева в те дни заключалась в том, что он, почти единственный, охватил масштаб событий, взял на себя всю ответственность в принятии решения, и указал единственный возможный путь для дальнейшей борьбы, единственный честный выход из положения для всего офицерства, для всей русской интеллигенции. Он был первым на этом пути и шел прямо и честно до конца впереди. Многие доходят до этого пути только теперь, спустя более года, многие предпочитают другие, кривые пути и по сие время. Если бы тогда, в тяжелые, мрачные беспросветные ноябрьские и декабрьские дни 17 года послушались зова генерала Алексеева, если бы поняли тогда другие вожди (военные, "политические" и "финансовые") то, что поняли, до чего дошли только теперь, то в январе 1918 года на Дону, была бы не маленькая, голодная, разбитая горсточка юношей-героев, а грозная многотысячная армия. Ход событий мог бы быть иным, но "нет пророка в своем отечестве". Светлой, бессмертной памяти генерал Алексеев обладал истинной государственной мудростью, даром предвидеть. Как честный русский генерал и солдат, он первый выступил на прямой путь, путь дела, а не слов, и как часовой, умер на своем посту. Не берусь, не сумею взяться за описание всего, чем был для нас всех генерал Алексеев; даст Бог пройдет время, разберутся во всех делах и людях, игравших роль во время революции, и тогда, надеюсь, имя генерала будет поставлено первым, как титана-патриота, как великого страдальца за нашу Русь, как бессмертного и единственного вождя и создателя Добровольческой армии. [выделено П. А. Веденяпиным. — А. Л.] Дай Бог, чтобы Святое дело его скоро и прочно довелось до конца». (См.: РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Памятная записка П. А. Веденяпина. 20 февраля/ 5 марта 1919 г. Одесса. Л. 37–38).

⁶¹ Слащов «тут же дал краткую информацию о своем отряде. Отряд почти весь состоит из кубанских казаков. Он много переносит невзгод, но бодрости не теряет. Все у Слащова (это именно тот Слащов, будущий генерал

и защитник Крыма) складно и деловито», — такие впечатления от встречи в те дни с Яковом Александровичем остались у полковника Ф. И. Елисеева. (См.: *Елисеев Ф. И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 207).

⁶² Балахонов Яков Филиппович, (1892–1935), красный командир, один из виднейших участников Гражданской войны на Северном Кавказе, кавалер трех орденов Красного знамени.

⁶³ Рузский Николай Владимирович (1854–1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, в годы Первой мировой войны занимал целый ряд важнейших постов; в дни Февральской революции — главнокомандующий Северным фронтом, сыграл едва ли не определяющую роль в оказании давления на императора Николая II с целью вынудить отречение последнего. Расстрелян большевиками в Пятигорске в октябре 1918 г.

⁶⁴ «Солоцкий очень находчив в разговоре. К большевикам питает психологическую ненависть и такую, какую питает земледелец к разным сорным травам, проросшим в его пшенице. “Этот бурьян надо вырвать с корнем, чтобы пшеница была чистой”, — говорит он... Он точно знал, что он хочет. Не могло быть сомнения, что это рождался видный герой Кубани. Через несколько дней, у горы Недреманной, что южнее Ставрополя, разрывом шрапнели красных — он был убит наповал... Кисмет (судьба)...» (См.: *Елисеев Ф. И.* С Корниловским конным. М., 2003. С. 237).

⁶⁵ tête de pont — плацдарм (фр.).

⁶⁶ Дебушировать — выходить из теснины на открытую местность. (воен.).

⁶⁷ Глазенап Петр Владимирович, (1882–1951), генерал-лейтенант, участник Белого движения на Юге и Северо-Западе России. Первопоходник. Умер в эмиграции.

⁶⁸ По словам Главкома Вооруженных сил Республики И. И. Вацетиса, большая часть красноармейцев в 1918 г. «страшно разложилась и действовала пока на некоторых зоологических началах». По утверждению Вацетиса, «С первых же дней августа месяца [1918 года. — А. П.] мне было ясно, что вооруженной силы Республика не имеет. То, что было собрано на началах добровольного поступления в Красную гвардию, согласно проекту Высшего военного совета, ни в коем случае не могло быть названо вооруженной силой, то были не больше не меньше, как коллективы дармоедов и жуликов, собравшихся на дармовые хлеба. Эта попытка создания собственной вооруженной силы на таковых началах и из таких элементов оказалась *крайне неудачной, и ее надо было бросить* [выделено нами. — А. П.]». (См.: РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 6. *Вацетис И. И.* Десять месяцев на посту Главкома РСФСР. 1920. Л. 18, 97).

Пученков А. С. Слэчов Я. А. «О Добрармии в действии в 1918 году». Часть I // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 193–235.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); puchenkov@spbu.ru

Slashchov Ya. A. “Volunteer Army in 1918”. Part I

A publication by A. S. Puchenkov

AUTHOR: Doctor of History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); puchenkov@spbu.ru

REFERENCES:

- ¹ Vertinskiy A. N. *Dorogoj dlinnoju...* (Moscow, 1991).
- ² Kenez P. *Civil war in South Russia, 1919–1920. The defeat of the Whites* (Berkeley, 1977).
- ³ Denikin A. I. 'Moj otvet (o vospominaniyah gen. P. N. Vrangelja)', *Iljustrirovannaja Rossija*, 1930, 24 May.
- ⁴ Denikin A. I. *Ocherki russkoj smuty* (Moscow, 2003).
- ⁵ Vrangel P. N. *Vospominanija*: 2 parts. 1916–1920 (Moscow, 2006).
- ⁶ *Ves Evtushenko* (Moscow, 2010).
- ⁷ Kruchinin A. S. 'General Ya. A. Slashhov-Krymskij i samosoznanie dobrovol'cheskogo oficerstva' in *Beloe dvizhenie na Juge Rossii (1917–1920): Neizvestnye stranicy i novye ocenki* (Moscow, 1995).
- ⁸ Shidlovskiy S. N. *Zapiski belogo oficera* (St. Petersburg, 2007).
- ⁹ «Groza tyla i ljubimec fronta»: general Ya. A. Slashhov v 1920–1921 gg.; Intrd. and comp. L. I. Petrusheva in *Novyj istoricheskij vestnik: Izbrannoe, 2000–2004* (Moscow, 2004).
- ¹⁰ Nenjukov D. V. *Ot Mirovoj do Grazhdanskoj vojny: Vospominanija. 1914–1920*, Intr. and comm. A. V. Posadskiy (Moscow, 2014).
- ¹¹ Puchenkov A. S. 'Novyj vzgljad na istoriju Kryma', *Rodina*, no. 7, 2015.
- ¹² *Slashchov-Krymskij Ya. A. Belyj Krym. 1920 g.: Memuary i dokumenty* (Moscow, 1990).
- ¹³ Zharubin A. G., Zharubin V. G. *Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu* (Simferopol, 2008).
- ¹⁴ Kruchinin A. S. «Konstantinopol'skaja broshjura» generala Ja. A. Slashhova-Krymskogo: k voprosu o stilisticheskom i zhanrovom svoebrazii' in *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ja imeni Aleksandra Solzhenitsyna* (Moscow, 2011).
- ¹⁵ Kruchinin A. S. 'General-lejtenant Ja. A. Slashchov-Krymskij' in *Beloe dvizhenie: Istoricheskie portrety* (Moscow, 2013).
- ¹⁶ Kreстьяnikov V. V. 'Belaja kontrrazvedka v Krymu v grazhdanskiju vojnu' in *Russkij sbornik: Issledovanija po istorii Rossii XIX–XX vv.*, Vol. I (Moscow, 2004).
- ¹⁷ Buldakov V. 'Proshloe ne uhodit / «Ukraina i Krym v 1918 – nachale 1919 goda. Ocherki politicheskoi istorii» Aleksandra Puchenkova', *Rossijskaja istorija*, no. 1, 2015.
- ¹⁸ Slashchov Ya. *Mysli po voprosam obshhej taktiki* (Moscow; Leningrad, 1929).
- ¹⁹ Slashchov Ya. 'Manevr kak zalog pobedy', *Vystrel*, no. 3–5, 1926.
- ²⁰ Slashchov Ya. 'Materialy dlja istorii Grazhdanskoj vojny v Rossii', *Voennyj vestnik*, no. 9–13, 1922.
- ²¹ Slashchov Ya. 'Dejstvija avangarda vo vstrechnom boju', *Voennyj vestnik*, no. 14, 1922.
- ²² Slashchov Ya. 'Lozungi russkogo patriotizma na sluzhbe Francii' in *Kto dolzhnik?* (Moscow, 1926).
- ²³ Bunegin M. F. *Revoljucija i grazhdanskaja vojna v Krymu (1917–1920 gg.)* (Simferopol, 1927).
- ²⁴ Fomin F. T. *Zapiski starogo chekista*, 2nd ed (Moscow, 1964).
- ²⁵ *Russkaja voennaja jemigracija 20-h – 40-h godov*, Vol. I, Book 2 (Moscow, 1998).
- ²⁶ *Vozvrashhenie generala Slashchova*, Publ. by A. Zdanovich in *Neizvestnaja Rossija. XX vek*, Book 3 (Moscow, 1993).
- ²⁷ Slashchov Ya. *Krym v 1920 g. Otryvki iz vospominanij* (Moscow; Leningrad, 1924).
- ²⁸ Kruchinin A. S. 'Vospominanija generala Ya. A. Slashchova-Krymskogo kak istochnik po istorii Grazhdanskoj vojny v Rossii' in *Biblioteka i istorija: Sb. trudov*, Iss. IV (Moscow, 1998).
- ²⁹ Volkov S. V. *Tragedija russkogo oficerstva* (Moscow, 2001).
- ³⁰ Kharlamov V. A. 'Jugo-Vostochnyj Sojuz v 1917 godu', *Donskaja letopis*, no. 2, 1923.
- ³¹ Puchenkov A. S. *Antibol'shevistskoe dvizhenie na Juge i Jugo-Zapade Rossii (nojabr' 1917 – janvar' 1919 gg.): Ideologija, politika, osnovy rezhima vlasti* [Doctor of History Dissertation] (St. Petersburg, 2014).
- ³² Filimonov A. 'Istoricheskaja spravka', *Novoe vremja*, 1923, 11 October.
- ³³ *Kazachestvo: mysli sovremennikov o proshlom, nastojashhem i budushhem kazachestva* (Moscow, 2006).
- ³⁴ Puchenkov A. S. 'Antibol'shevistskoe dvizhenie na Kubani v nachale Grazhdanskoj vojny (nojabr' 1917 – fevral' 1918 g.): k istorii otrjada generala V. L. Pokrovskogo', *Novejšaja istorija Rossii*, no. 3, 2013.
- ³⁵ Puchenkov A. S. *Nacional'naja politika generala Denikina* (St. Petersburg, 2012).
- ³⁶ Lobanov V. B. *Istorija antibol'shevistskogo dvizhenija na Severnom Kavkaze, 1917 – 1920 gg.: na materialah Tereka i Dagestan* (St. Petersburg, 2013).
- ³⁷ Ganin A. V. *Korpus oficerov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoj vojny 1917 – 1922 gg.: Spravochnye materialy* (Moscow, 2009).
- ³⁸ Shkuro A. G. 'Zapiski belogo partizana' in *Beloe delo. Izbrannye proizvedenija, Dobrovol'cy i partizany* (Moscow, 1996).
- ³⁹ Eliseev F. I. *S Kornilovskim konnym* (Moscow, 2003).